



16+

Наталья Саисонова

**На конкурс красавиц
требуется чудовище**

Наталья Самсонова

**На конкурс красавиц
требуется чудовище**

«Автор»

2022

Самсонова Н. А.

На конкурс красавиц требуется чудовище / Н. А. Самсонова —
«Автор», 2022

Крылатая невеста должна иметь: диплом, титул, сильный колдовской дар и неспорченную репутацию. У меня нет диплома, я дочь окраинного барона, и мой дар... Он как бы сильный, но есть пара нюансов. И пса-компаньона я призвала не слишком законным методом, что несколько очерняет мою репутацию... Вот только ректор выдал мне диплом раньше времени, ведь я, по его мнению, идеальное «чудовище» для свадебного отбора. Настоящие крылатые невесты, видите ли, слишком сильно волнуются, и им нужен кто-то, на чьем фоне даже самая неудачливая неудачница будет смотреться вполне себе достойным товаром. То есть, простите, невестой. Что ж, заметьте, вы сами этого хотели...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Самсонова

На конкурс красавиц требуется чудовище

Глава 1

– Я не дам себя уродовать!

С таким возгласом я оттолкнулась от кресла и, подхватив себя и пса левитацией, заскочила напрямик на широкий, массивный, а главное, высокий книжный шкаф.

Внизу остались миледи проректор и, собственно, сам милорд ректор.

Начиналось все не так и страшно: я вместе со своим псом-компаньоном караулила парней у раздевалки. Эти поганцы пару дней назад запустили нам в душевую рогатых жаб. Ух и намучились мы с ними: они же при любом испуге плюются зловонной жижей! Ну ничего, настало время ответного подарка.

Можно было бы не утруждаться и повторить их проделку, но это придаст вкусу возмездия легкий оттенок тухлого мяса. Так что позади несколько ночей сложнейших вычислений, и теперь остается только посмотреть, как однокурсники справятся с тем, что у их штанов и трусов теперь есть собственное мнение! И громкие писклявые голоса, что немаловажно.

Пока что никто из однокурсников не решился выйти, хотя...

– Тебя побьют, – философски выдохнул Гамильтон и зевнул во всю свою клыкастую пасть, – мне-то слышно, о чем говорят штаны. Нормальному мужчине такое не понравится.

Заинтересовавшись, я начала выплетать заклетье-подслушку, и вот тут-то мы и были пойманы нашей прекрасной миледи проректором. Что нас с Гамильтоном сильно удивило: прежде мы на горячем не попадались. Подозревали нас во многом, но меня с малолетства всем премудростям обучал папенька – барон, чьи владения находились в Приграничье. Да и Гамильтон, уж на что он кажется длинноухим увальнем, а тоже горазд напакостить ближнему.

Так вот, миледи проректор, пусть будет она благословенна во веки веков, сопроводила нас до милорда ректора, где и огорошила:

– Как вы знаете, леди Фоули-Штоттен, Крылатый Совет объявил начало свадебного отбора для нашего Правителя.

– Да-а, – медленно протянула я, – его еще полгода назад объявили. Дело-то не быстрое, невест надо с умом подобрать. Только я-то тут при чем?

Жилы заохлодило неприятное предчувствие. В числе императорских невест никак не могу оказаться я – дочь окраинного барона с сильным, но довольно капризным даром. Да еще и привязка к псу-компаньону прошла не самым, кхм, одобряемым способом. Я б даже сказала, что мы с Гамильтоном связаны преступной нитью! И даже если отбросить все это, то диплом-то я где возьму? Я вообще-то пятикурсница, а к отбору допускают выпускниц Артефакторной Академии, Пансиона Благодородных Девиц или Столичного Института Божественных Сестер.

– Свадебный отбор, – вступил милорд ректор, – это очень тяжелое испытание для молодых девушек. Соревноваться за внимание Правителя...

– Я бы сказала, что соревнуются они за одобрение Совета Крылатых, – фыркнула я и тут же прихлопнула рот ладонью и невнятно извинилась.

Кончик языка неприятно пощипывало, а миледи проректор демонстративно стряхнула с пальцев остаточные искры магии.

– Неважно, – ректор отмахнулся от моих слов. – Важно лишь то, что девушки испытывают серьезный психологический дискомфорт.

– Если вы хотите сделать меня чьей-то наперсницей, то я не против, – сказала я, когда пауза затянулась, – но стоит ли?

Марижан, моя соседка по комнате, оборотень-лисица, как-то попросила у меня совет... Ну, теперь мы не общаемся. Увы, чувство юмора у меня порой сильнее чувства жалости. Или инстинкта самосохранения.

– На конкурс красавиц требуется чудовище, – припечатала вдруг миледи проректор, – и этим чудовищем будете вы!

Вот так мы с Гамильтоном и оказались на книжном шкафу.

А миледи проректор и милорд ректор переглянулись и в унисон вздохнули.

– Нам точно больше некого послать? – уныло уточнила миледи.

– Тайана Лоттари-Штрайн всего на четвертом курсе, – ректор покачал головой, а после посмотрел на меня, – леди Фоули-Штоттен, спускайтесь. Никто не будет вас уродовать.

Их слова я, если честно, слушала вполуха: во время прыжка у меня лопнул ремешок на правой туфельке, и теперь я рисковала потерять обувку. А мне нельзя, у меня сложная жизненная ситуация!

– Мы просто выдадим вам диплом раньше времени, – недовольно произнесла миледи проректор, – и грамоту за особые заслуги в учебе. Ваша задача – быть самой худшей невестой, чтобы все остальные, даже проигрывая, даже позорясь во время выступления, сравнивали себя с вами и успокаивались.

– И вы хотите, чтобы я выставила себя глупой, некрасивой... – оторопела я и даже отвлелась от туфельки, которая держалась сейчас только за счет пальчиков.

– Мы хотим, что бы вы были собой, – оборвал меня ректор. – Вы умная, одаренная и талантливая студентка.

– При этом вздорная, вспыльчивая и склонная к скоропалительным решениям, – добавила миледи проректор.

– И проклятиям, – прибавил Гамильтон, и я возмущенно прошипела:

– Ты на чьей стороне?!

– На стороне истины, – флегматично ответил пес и зевнул.

Миледи проректор стойчески проигнорировала моего компаньона и как ни в чем не бывало продолжила:

– Ваш нрав известен в столице еще с Весеннего Бала, так что ничего нового вы миру не покажете.

Ох, Весенний Бал... Неловко тогда вышло.

– При этом вас ждет обновление гардероба за счет казны, – вкрадчиво произнес милорд ректор, – несколько артефактов на ваш вкус...

– В пределах пятисот золотых на все, – поспешно вставила миледи проректор.

– И за каждый пройденный этап участницы получают драгоценные украшения. После смерти барона вы находитесь в трудной жизненной ситуации. – Ректор посмотрел мне в глаза.

Правда, для этого ему пришлось сильно задрать голову, и, судя по всему, ректорской шее это не понравилось, так что он перевел взгляд на пол, а после украдкой потер загривок.

– Не такой уж и трудной, – непримиримо фыркнула я и неуверенно поерзала.

Кажется, мы не сможем сами спуститься вниз.

– Последнее лето вы жили в лесу, – миледи проректор неаристократично закатила глаза, – потому что не захотели возвращаться к матери и отчиму.

– Вы продаете самодельные порталные артефакты, – выразительно добавил ректор и положил ладонь на подозрительно пухлую папку. Этак со значением положил. С намеком, я бы даже сказала.

– Компромат, – уверенно опознал Гамильтон, – а я всегда говорил, что после себя нужно оставлять лишь пепелище и...

– И трупы, – вздохнула я.

– Теперь нас будут шантажировать, – продолжил страдать пес, – я, благородный бас-сет-хаунд, буду вынужден нацепить на себя кружево и дешевые стразы! Ветеран второй войны сателлитов будет выглядеть как последняя левретка.

– Ты килограмм на двадцать тяжелее любой левретки, – возмутилась я. – И почему стразы-то дешёвые?!

– А у тебя есть золото на натуральные камни? – искренне поразился Гамильтон и припечатал: – А насчет веса – учти, что титановое спокойствие, золотой характер и стальные мышцы легкими быть не могут!

– В тебе еще мешок ворованных пончиков и...

– Мы вам не слишком мешаем? – Миледи проректор поджала губы.

Уныло вздохнув, я ответила максимально честно:

– Выхода вы нам не оставили. Я согласна, только со шкафа снимите: у Гамильтона короткие кривые лапы, а я вся потратилась на... На свои личные дела.

Дела, которые веселят всю Академию, а я не вижу. Эх. Вздохнув, я как-то не слишком удачно шевельнулась, и моя туфелька соскользнула!

Но я успела подхватить ее петлей левитации. За самый-самый краешек ремешка, только бы он не оторвался, о Великие Боги, только бы...

– Знаем мы ваши «дела», – ректор похлопал по папке, – это будет передано во дворец. Чтобы вы не стали для них слишком невыносимым сюрпризом. Мы не можем...

Он оторвался. Я с ужасом наблюдала за тем, как моя несчастная поношенная туфелька летит прямо в ректорский лоб! За мгновение до непоправимого обувка была уничтожена метким заклятием миледи проректора.

А в следующее мгновение петля левитации, сколдованная сердитой миледи, обхватила наши с Гамильтоном тела. Проректор не церемонилась и распахнула двери прямо перед нами!

Спасибо, Гамильтон успел сколдовать малый щит, и я ушибла только плечо.

– Ты утром сказала, – вспомнил вдруг мой компаньон, – что не станешь прыгать для профессоров, даже если тебе предложат золото.

– И к чему ты это? – нахмурилась я.

Гамильтон ухмыльнулся во всю пасть и, встав на задние лапы, левой передней указал на не слишком чистый пол:

– У тебя только одна туфля. Скачи, дорогая, скачи.

– Ты мог бы меня отнести, – я с прищуром посмотрела на пса, – ты можешь увеличиваться в размерах!

– В случае смертельной опасности, – отрезал Гамильтон. – От песка и слюны ты умереть не можешь.

– Слюны?!

– Вон там, слева, кто-то плюнул, – любезно указал мой компаньон.

Стиснув зубы, я решительно попрыгала вперед. Вместе со мной подпрыгивало все! Волосы, некоторые части тела, многочисленные склянки в скрытых карманах и порталные артефакты. Последние надо бы отнести заказчикам.

У меня есть мечта – купить свой дом. В замок отца мне возврата нет – с тех пор как мой родной, мой любимый, мой самый лучший на свете отец пог...

Упав в воспоминания, я едва не сбила с ног таинственного незнакомца. Почему так пафосно? Потому что этот высоченный мужчина был укрыт слоем маскировочных заклятий (об этом сказал браслет на моей левой руке) и, будто этого мало, его лицо пряталось в тени глубоко капюшона. И тень эта была самая что ни на есть магическая!

– Студенты нынче играют в интересные игры, – мягко произнес он.

– О, нет-нет, миледи проректор просто уничтожила одну мою туфлю. – Я поболтала в воздухе босой ступней. – Вот и прыгаю.

– Уничтожила? – заторможенно переспросил мужчина.

– Ну да. – Я легко пожала плечами. – Вам помочь?

– Нет. – Он вытащил из кармана тонкий батистовый платок и порвал его надвое.

А через секунду эти обрывки превратились в прекрасные туфли!

– Это мне? – ахнула я и тут же переобулась. – Спасибо! Я побегу быстро-быстро!

– Зачем? – удивился мужчина.

– Чтобы не развеялись до общежития. Трансформация энергозатратна, вряд ли они продержатся долго, – легко отозвалась я.

И, приподнявшись на цыпочки, звонко чмокнула незнакомца в гладкую, вкусно пахнущую щеку.

– Спасибо-спасибо, – выпалила я. – Удачи вам в ваших тайных делах! И мой вам непрощенный совет: умерьте маскировку, а то можно подумать, что вы наш полуправитель!

Оставив мужчину за спиной, мы с Гамильтоном со всех ног и лап бросились к общежитию. Во-первых, надо удивить нашу банду, а во-вторых, трансформа может развеяться в любую секунду!

И только грозное:

– Стоять! – заставило нас сбросить скорость и развернуться лицом к опасности.

А опасность была нешуточная – сама миледи проректор!

– За эти краткие мгновения мы ничего не успели сделать, – недоуменно произнес Гамильтон.

Я же в это время пыталась так скосить глаза, чтобы увидеть, что у миледи под форменным платьем. Нет-нет, никакого разврата! Просто она не шла, не бежала, а как будто парила над парковой дорожкой!

«Или слухи правдивы и она змеища не только по характеру», – пронеслось в голове.

Сама миледи в это время молча смотрела на нас, а после, загоревшись лихорадочным румянцем, смущенно сказала:

– Мы забыли кое-что уточнить у вас, леди Фоули-Штоттен. Как у вас... вы понимаете, да? С этим.

Последние четыре года вся Академия этим называла мой сильный, но слегка безумный дар.

– Вы ведь и сами понимаете, правда? – так же смущенно ответила я.

Мне правда было стыдно: над загадкой моей силы бились всем профессорским составом. Да что там! Даже горного колдуна приглашали. Но, увы, все, что помогает держать силу в узде, – мой железный контроль.

– Как?! – ахнула миледи. – Вы уверены?!

– Как же мне быть неуверенной? – удивилась я.

– Но почему? – Она едва не плакала, и мне стало еще хуже. Давно мне не приходилось так стыдиться.

– Сама не знаю, – я понурилась, – само, наверное, получилось.

– Вас отсеют на отборе, – обреченно выдохнула миледи, – а послать нам больше некого.

– Да ну, – усомнилась я, – с чего бы?

– Вы же человек, а не оборотень! Вам не позволительно иметь контакты подобного рода, – вспылила миледи.

Тут я поняла, что ничего не поняла, потом вспомнила, что год назад был военный конфликт с горными колдунами, и осторожно напомнила:

– Но ведь вы сами его ко мне пригласили.

– Я?! – Миледи поперхнулась воздухом.

– Да, – я кивнула, – не помните? Три года назад, архимаг Клейвор из Тамитиканы.

– Мерзавец, – всхлипнула миледи проректор, – мы доверили ему ребенка, а он так с тобой поступил! Он за это поплатится, кля...

И тут я совершила воистину неразумный (даже по моим меркам!) поступок: я рукой закрыла миледи рот.

– Не надо клясться, вы же проклятийница! Ну не смог он меня вылечить, так он же и сказал, что лечить меня не надо, само рассосется. Или нет. Но в любом случае стороннее вмешательство... Ай!

Рука заледенела, пропала чувствительность, а кончики пальцев начали стремительно темнеть. Ух ты! Мне еще тренироваться и тренироваться, чтобы так же ловко и быстро кастовать проклятье черной гангрены.

– Намеков вы, леди Фоули-Штоттен, не понимаете, – процедила рассерженная миледи проректор, – я спрашивала вас о наличии или отсутствии девичьей чести!

– Так меня надо было спрашивать, – лениво зевнул Гамильтон. – Я бдю.

– Ты не бдишь, – прищурилась я, – а совсем другое делаешь! А я приличная девица, у нас на Окраинах нравы не такие вольные, как у вас в столице.

– Вот и славно, – кивнула миледи проректор, – а то вы могли бы опозориться.

– Разве это не моя основная задача? – не сдержалась я.

– Ваша основная задача – сойти с дистанции ровно в тот момент, как вам это прикажут, – бросила миледи и исчезла, телепортировав себя куда подальше.

Ну, по крайней мере, я надеюсь, что это было куда подальше.

– А туфельки-то еще не пропали, – задумчиво произнес пес. – Это был какой-то очень непростой маг.

– Да пошел он, – раздраженно бросила я.

Но против воли восхитилась: это ж какую прорву силы надо иметь, чтобы так надолго извращать естественные законы природы?!

Если бы ученицы Столичного Института Божественных Сестер увидели наше общежитие изнутри, они бы немедленно развоплотились и отправились туда, куда уходим все мы после долгой и приятной жизни.

Снаружи здание выглядит великолепно: пять этажей, вход по центру, и сразу понятно, что девочки налево, мальчики направо. Но! Но внутри все совершенно иначе, и в девичьих гостиных можно увидеть молодых ребят. Точно так же, как и наоборот.

Все, что смогли сделать профессора, – это настроить сигнализацию так, чтобы юных любовников переносило из постелей (или шкафов) прямо в кабинет ректора. Вот как есть, так и переносило.

Постепенно эти чары расползлись на всю Академию, и пару раз случались казусы с профессорами: у нас ведь и семейные пары преподают!

– Вся банда в сборе, – вздохнул вдруг Гамильтон.

А я, зная, что он давно потерял нюх, удивилась:

– Как ты их почуял?!

– Во-первых, я не полностью утратил обонятельные способности, – оскорбился пес. – Во-вторых, Марижан, когда бесится, выпускает когти, хлопает дверью, и на косяке остаются глубокие борозды. Ночью предметы мебели и стены восстанавливаются сами собой, утром этого не было, а значит...

– Значит, моя бесноватая соседка опять цапнулась с моими друзьями, – вздохнула я.

А все потому, что у Мари не клеится с одним из оборотней. Мерзавец перегулял со всеми, кроме нее. И когда она страдала по этому поводу, мы не поддержали, а подкололи. Да еще и я пару советов дала. И так из просто соседей мы стали практически врагами.

Хотя я отказываюсь воспринимать своих сокурсников как врагов. Много чести! Враги там, на границе. Темные твари, проходящие сквозь прорехи в защите, – вот кто истинное зло. А эти так, в лучшем случае неприятели!

Руку начало неприятно покалывать, и я ускорила шаг. Миледи проректор проклинает качественно, а к академическим врачевателям обращаться бесполезно: они меняются, как перчатки у модницы, и не имеют за душой ничего, кроме диплома Божественных Сестер.

Ввалившись в гостиную, я, не обращая внимания на приветствия ребят, сразу протопала в спальню. Где уже через пару мгновений стало тесно: мои друзья – тонко чувствующие натуры, уважающие чужое личное пространство. А потому они сразу же проследовали за мной.

– Ух ты, что ты сделала миледи проректору?

– Я осмелилась прикрыть ей рот ладонью, – честно сказала я.

Тина длинно присвистнула и, округлив и без того большие серые глаза, выдохнула:

– Доучилась. Хорошо еще, что гангреной обошлось. Она ведь могла тебя в садовую дорожку вратить, куковала бы потом месяц с корнями вместо ног.

Я пожала плечами:

– Так получилось.

Вытянув из проклятья силу, я осторожно обратила вспять все повреждения. Руку свело так, что у меня из глаз потекли слезы.

– Сочувствую, – без тени настоящего сочувствия произнес Марон. – Ты пропустила такой цирк!

– Да нет, – фыркнула я и приняла горделивую позу, – я в нем поучаствовала. Перед вами одна из крылатых невест!

Секунда тишины, и Тина недоверчиво уточнила:

– Я не поняла, у нас что, недобор в дворянском сословии?!

– Действительно, – Марон нахмурился, – выбор они сделали такой... Аномальный.

– Эй! – Я прицельно пнула парня по щиколотке. – Что значит аномальный?!

Пожевав губу, Тина попыталась объяснить:

– Ну, как бы так сказать, ты немножечко... Ну, долбанутенькая?

– Это ты спросила или утвердила? – Мне было все труднее сдерживать улыбку.

– Если ты пошутила, то я кину тебя в озеро, – мрачно произнес Марон, рассмотрев бесов на дне моих глаз. – И ты захлебнешься на мелководье, ибо твой страх перед водой...

Тут и Тина зажгла в руках нехорошие огоньки, и пришлось быстро-быстро все объяснять.

Марон улегся на мою незаправленную постель, Тина пристроилась рядом, мне же оставалось сесть только на тумбочку. Собственно, поэтому я никогда ничего на нее не складывала, только на пол.

– Ты уверена, что стоило соглашаться? – спросила в итоге Тина.

Я не успела ответить, как вмешался Гамильтон:

– У них компромат на нас.

– Ну, в соляные копи не пошлют, – фыркнул Марон и неуверенно добавил: – Наверное.

– Просто, – Тина покосилась на друга, – просто ты ведь понимаешь, что крылатые невесты весь отбор живут при дворе?

– Естественно, там ведь ради этого целый комплекс построен, – напомнила я. – Поищу в своей комнате, может кто-то написал на стене «Здесь была я» и дату.

– Ты будешь первой, – вздохнул Марон.

– Побоку, – отмахнулась Тина. – Дело в том, что ты встретишь его.

Цокнув, я недовольно скривилась. Точно. Про него-то я и забыла.

– Да-да, во дворце будут не только сдержанно-ядовитые леди с кинжалами за корсажем, но еще и тот, кого ты весьма неосмотрительно назвала ублюдком, – покивал Марон.

Я тут же поспешила внести ясность:

– Стоп! Я не называла Его Незаконнорожденное Высочество ублюдком! Ну, не напрямую.

– Да, – кивнул друг, – ты просто призвала клинок своего погибшего отца и уточнила, что вот меч и он бастард, а к людям в современном обществе принято применять термин «ублюдок» или «нагулянный». А это, я напому, любимый сын экс-Правителя.

– От любимой любовницы, – добавила Тина.

– И это я еще стесняюсь напомнить, в какое место ты ему клинок сунула. – Марон ткнул в меня пальцем.

– Он пытался вступить со мной в противоестественную связь! И клинок отца я сунула ему между ног и ничего не поранила, – возмутилась я. – Моя магия в очередной раз сбойнула, и оставалось то, что оставалось, – остудить чересчур пылкого мерзавца льдом окраинной стали.

– И вот его-то ты и встретишь во дворце, – вздохнула Тина.

– Я могу призвать клинок отца из любого положения, – похвасталась я и вытянула руку, начиная выплетать заклятье.

– Не надо! – сдвоенный вопль сбил меня, и клинок не сформировался.

– Не надо, – спокойнее повторила Тина. – Я еще с прошлого раза волосы не отрастила.

Упс, а я и забыла об этой нехорошей истории.

Тина поерзала на постели и попыталась сдвинуть Марона, но тот упорно делал вид, что не замечает ее поползновений.

Именно в этот момент они умудрились качнуть узкую шаткую этажерку, на которой я хранила свои колдовские конструкты.

Все попадало с ужасным грохотом. Секунда тишины, громкий всхрап Гамильтона и...

– Это что?! – с ужасом и отвращением спросила Тина, поднимая за хвост мумифицированный трупик крысы.

– Это Журжик, – улыбнулась я. – Не бойся, он никогда не был живым.

Побледнев, подруга бросила крыску на пол, а после забралась на постель с ногами. Марону оставалось только сдавленно крикнуть: она так впечатлилась Журжилом, что вдавила нашего друга в стену, лишь бы оказаться подальше от крысюка.

– Я сделала его из веточек, листьев и искусственного меха. – Спрыгнув с тумбочки, я подобрала малыша. – Стоит в него влить немного магии – и он повеселит нас трюками.

Правда, ни Тину, ни Марона мой крыс не впечатлил. Пусть он ходил на задних лапах и жонглировал – они все равно не стали с ним знакомиться.

– Один вопрос: зачем?! – Марон сел, не спеша, впрочем, спускать ноги на пол.

– Профессор Блумквист сказал, что невозможно создать колдовской конструкт, используя лишь древесно-природные составляющие. – Я пожалала плечами, подняла Журжика и, забрав магию из его легкого тельца, бросила его обратно на этажерку.

– Это после этого у него лаборатория взорвалась? – припомнила Тина.

– Да, он пытался повторить, но пошел более академическим путем.

Марон нахмурился:

– Более академическим путем?

А я охотно пояснила:

– Он тщательно все рассчитал, перепроверил и после воплотил в лаборатории. Я же пользовалась методом ненаучного тыка.

– То есть мы сейчас могли носить черное? – с интересом уточнила Тина и вздохнула. – Я, конечно, рада, что ты жива. Но серый цвет формы преизрядно надоел.

– От серого до черного, знаешь ли, – отмахнулась я.

И тут Марон сказал страшное:

– Кстати, о сером. Вильгельмина, душа моя, а что у тебя с платьями?

Ой.

– Ты не можешь прибыть во дворец в академической форме. – Тина прикрыла рот рукой. – погоди! Если тебе дают диплом заранее, значит, сегодня-завтра тебя выселят!

А я вспомнила ту убогую избушку, в которой пришлось провести лето. Ох. Вид: невеста; статус: крылатая; подвид: подкустовая. Или избушечно-опушечная?

– Можешь пожить у меня, – щедро предложил Марон.

– Я не доживу, – вздрогнула я.

Увы, матушка Марона спит и во сне видит свою идеальную невестку – Тину. Я же считаю препятствием на пути к сыновьему счастью. Сколько мелких проклятий я снимаю после каждой встречи с леди Таргери-Дойлерн – устала считать.

– К себе предлагать не буду, – скривилась Тина. – Мой младший братец все еще пылает к тебе всем своим юношеским организмом.

– Да, как-то не задались у тебя отношения с нашими родичами, – хихикнул Марон.

Потрепавшись еще немного, ребята ушли. А я, с тоской осмотрев родную и любимую спальню, принялась собирать вещи. Затем взяла список и отправилась гулять по Академии. И как бы невзначай встречала давнишних приятелей то тут, то там. То там, то тут. А что поделать, очень многим хочется на выходных рвануть к родителям, или к невесте, или к жениху. Или вообще на курорт: имея колдовской дар, не обязательно снимать гостиничный номер, можно и на пляже переночевать!

Вернувшись в гостиную, я обнаружила, что вещи мои уже выставлены подле опечатанной двери. А вокруг потрепанных чемоданов горят защитные заклятья миледи проректора. И бумажка... А, нет, не бумажка. Диплом! Под ним, сложенным вдвое, прячутся письма. В одном благодарность за отличную учебу (надеюсь, ректору не стало дурно, когда он это писал), а во втором инструкция.

– Что ж, на улице нам жить не придется. Просыпайся, великий воин, – я дернула пса за длинное ухо, – тебя вынесли из спальни, а ты и не заметил!

Гамильтон потянулся, зевнул, оправил узорчатый жилет и снисходительно бросил:

– Заметил. Но! Тебя миледи проректор когда-нибудь на руках носила?

– Нет.

– Во-от, – удовлетворенно протянул он. – А меня носила.

– Знать бы еще, какие слова она при этом говорила, – фыркнула я.

– А это уже неважно.

Я сняла заклятье, уменьшила чемоданы и положила руку на голову Гамильтона. И позволила себе признать:

– Мне немного страшно.

– Мне тоже, – вздохнул пес. – Все же впереди неизвестность. Вдруг дворцовые кухарки не смогут приготовить для меня нормальную пищу? Мне пришлось очень долго обучать здешнего повара, чтобы он смог сотворить достойный паштет.

Гамильтон продолжал распинаться о том, как он переживает за наше меню, а меня вдруг разобрал тихий смех.

– Ты чего? – Пес недоуменно на меня посмотрел.

– Да вот думаю, – я выразительно побренчала монетами, – может, сразу твой жилет модистке отдать?

– Зачем? – купился Гамильтон.

– Чтобы она клинышки вшила, – хихикнула я, – разнесет тебя на дворцовых харчах, что делать будем?

Дальше мне пришлось убежать с хохотом, ведь мой компаньон пытался меня сожрать! Хотя этот гурман скорее бы облизывал и заявил, что перца много, трав мало и, вообще, порядочные собаки такое не едят.

Глава 2

У кованых ворот Академии стояло ландо, запряженное кремово-золотистыми лошадами. Это что ж, на время отбора мне выдали личный ректорский экипаж?!

– Мина! Давай быстрее!

Только в этот момент я заметила Тину и Марона, сидящих внутри.

– О, – глубокомысленно изрек Гамильтон, – дворец, как я понимаю, никому не жалко.

Забравшись в ландо, мы кое-как разместились, и я задала самый животрепещущий вопрос:

– Как думаете, с какой скоростью эта прелесть может перемещаться?

Спина извозчика несколько напряглась.

– Столько позолоты, колдо-фонари. – Тина потыкала пальчиком в разнообразные красоты, наклепанные на ландо. – Со скоростью умирающей улитки. Я, кстати, буду твоей дуэньей.

– Ты?! – Гамильтон был так шокирован, что его человеческий голос перешел в собачий вой.

Отчего он страшно смутился и отвернулся, как будто ничего и не было.

– Я соврала, что на окраинах так принято. – Подруга пожалала плечами.

– У нас так и принято, – возмутилась я.

– О, значит, не соврала.

– Вообще, свита крылатой невесты состоит из троих: дуэнья, парикмахер и камеристка. – Я выразительно посмотрела на Марона. – Будешь крючки на моем платье застегивать? Твоя матушка сожрет меня. Прорвет все дворцовые кордоны и просто ом-ном-ном.

– Нет, я буду отвечать за твою прическу, – ухмыльнулся Марон.

И мне резко поплохело.

Впрочем, я же еду позориться, а не побеждать.

– Вот зря ты сейчас такое лицо сделала, – обиделся друг. – Я, вообще-то, с первого курса девчонок на светские вечера собираю.

– Но они так кричат в процессе. – Я поежилась.

– Чтобы прическа держалась без магии, шпильки должны немного войти в голову, – пожал плечами Марон.

Тут даже Гамильтон удивился:

– В голову?

– В кожу головы, – уточнил друг и принялся объяснять.

А я поняла одно: коса. Весь отбор моим спутником будет окраинная коса – пышная, сложно заплетённая, с лентами и драгоценностями. Последних у меня всего два комплекта: папа не очень-то в этом разбирался и предпочитал покупать мне артефакты. Которые остались в замке. Которые достались сводной сестричке.

Или не достались: мой сундук даже я не всегда могу открыть, так что... Пусть ходят вокруг него и облизываются!

– Насчет умирающей улитки, Тина, ты как-то погорячилась. Мы, походу, скоро выйдем и будем ландо сзади подпихивать.

Кучер выпрямился, запламенел ушами и недовольно цокнул. Свист, лающая команда и неизбежность! Неизбежность, столкнувшая нас друг с другом.

Я, оказавшаяся на полу между сидений, сдвинула с себя задницу Гамильтона и сдавленно прохрипела:

– А чего никто не сказал, что это пегасы?!

Тина мне ответить не могла, она мертвой хваткой вцепилась в Марона, который практически вывалился из ландо!

В общем, к дворцу мы прибыли перепуганные, встрепанные и задумавшиеся о трех китах безопасной жизни: вежливость, молчание, осторожность.

– А ничего так полетали, – хихикнула Тина и щелкнула ближайшего пегаса по кончику раздвоенного уха, – надо будет повторить.

Бледно-зеленый кучер, заикаясь, выдавил, что пегасы вообще-то понимают человеческую речь.

– Так никто и не против, – фыркнула я и поспешила отойти от ландо.

Мало ли прекрасные небесные коники захотят показать, кто тут сухопутная улитка, а кто скоростной пегас!

Вытащив из кармана форменного платья бумажку с инструкциями, я решительно повернулась к дворцовому комплексу спиной и зашагала к зданию столичного магистрата. Тут нам дадут денег на подготовку к свадебному отбору и направят в недорогую гостиницу.

– Убивать тебя здесь не будут, – зевнул Гамильтон, – а вот ты, возможно, захочешь открыть охотничий сезон. Но мне, увы, запрещено убивать людей, пока они на тебя не напали.

– Это ты к чему? – рассеянно отозвалась я.

– Притворюсь обычной собакой и подремлю в пыли, – любезно пояснил мой компаньон и, развеяв свой жилет, рухнул на нагретую мостовую.

Я же решительно вошла в прохладный, пропахший бумажной пылью зал магистрата.

Через несколько часов уже я хотела притвориться обычной собакой и подремать в пыли. Я заполнила форму а-девятнадцать, затем б-сто тридцать девять и отнесла все это в кабинет номер четырнадцать на четвертом этаже. Там я узнала, что окраинные дворяне должны еще прикладывать дополнительную справку об отсутствии горных проклятий. Справку эту можно получить каждый понедельник с семи до восьми тридцати утра. Но если ближайший год я не покидала столицу, то...

Мой мозг отключился. Я просто ходила от кабинета до кабинета, что-то подписывала, заполняла. Брала, отдавала.

– Вот и все, – улыбнулась молодая женщина, в чей кабинет я вошла уже в седьмой раз. – Теперь со всем вот этим вниз, на первый этаж, в кабинет старшего над золотом.

– А где этот кабинет? – охрипшим голосом спросила Тина.

– Если спускаться будете по главной лестнице, то налево до синей стены, потом направо до цветущего в кадке дерева и от него снова налево до самого конца.

Через пару минут мы узнали, что деревце уже не цветет, а медленно погибает от какого-то очень нехорошего семейного проклятья.

– М-м-м, полагаю, кто-то из крылатых невест не сдержался, – хмыкнула Тина.

– Думаешь, сюда попадает мало несчастных? – вяло удивилась я.

– Думаю, что никто не рискнет сделать замечание одной из тех, что соревнуются за право стать женой Правителя.

Я согласно кивнула и бросила на деревце свое проклятье. Точнее, я бросила проклятье на проклятье. Если деревцу повезет, то оно выживет. Если мне повезет, то мои бега по магистрату закончены.

Щуплый старый оборотень выдавал деньги так, будто они его личные. Вот держу пари, что он из лисьего клана. Воистину, клан Лис выпускает в мир истинное зло, способное зимой торговать снегом!

– Разорительница, – припечатал оборотень.

В чем-то я с ним была согласна. Мой «девичий капитал» сейчас составляет восемь золотых и я их зарабатывала два последних года!

Конечно, порталы, которые я делаю, стоят куда дороже, чем их удастся продать. Но! Чтобы получить право делать амулеты перемещения, мне нужно пройти экзамен и получить личную печать. А чтобы получить право пройти экзамен, нужно заплатить аж тридцать золотых!

– Мина. – Подруга ткнула меня локтем в бок, и я тут же вынырнула из своих мрачных дум, сгребла увесистый мешок с монетами и попрощалась.

Пересчитывать я не стала: на горловине болталась бирка банка, никто мешок не вскрывал, а значит, нет смысла терять время.

– Так, теперь направление на заселение. – Я вытащила из кармана выданную в одном из кабинетов бумажку и чуть не рухнула. – Пять золотых за ночь?!

– Чувствую, спать мы будем за городом, в той самой избушке, – ошарашенно выдавила Тина. – Где они цены такие видели?!

– Потому что кто-то благороден и не считает презренный металл, – надменно бросила я, воображая себя своей матушкой.

– Ага, а потом ищет себе богатого покровителя, – фыркнула Тина, бывшая в курсе моей жизненной ситуации.

– Ага. Радует одно: нам не придется идти пешком. Пошли забирать дезертиров, а я по дороге амулет сделаю.

– Еды надо взять, – всполошилась Тина.

До моей избушки мы добрались в сумерках. Мрачно пожевали сухомятку – Гамильтон гордо отказался – и расползлись по спальникам. Как-то не так я себе представляла первый день в роли крылатой невесты.

Второй день, впрочем, был не намного лучше первого. Мы перекусили, размяли кости и прыгнули обратно в столицу. И все ради чего?! Ради того, чтобы обнаружить тотальный подъем цен!

– Вы же понимаете, – оскалила зубы в улыбке хозяйка лавки с готовой одеждой, – свадебный сезон. Порталы стоят дорого...

– И у несчастных просто нет выбора, – усмехнулась я.

Торговка состроила неприятную гримасу и широким жестом указала на вереницу манекенов со старыми, местами даже поеденными молью платьями.

– Магией подлатаешь, если сэкономить хочешь. Все равно на бал невест не попадешь.

Тина дернула меня за руку, и проклятье ушло в пол. Торговка же погрозила мне пальцем и пропела:

– Вызову стражу, и будешь штраф платить.

– А ты будешь слизнями плакать, – оскалилась я.

– Мина, – Марон развернул меня к себе, – идем, я научу тебя правильно мстить. Ты у нас кто?

– Кто? – удивилась я.

– Крылатая невеста. Вот и создашь этой лавчонке особую репутацию.

Торговка изменилась в лице, но мы уже вышли на улицу и на ее призывы вернуться и пересмотреть платья не реагировали.

– Сумма в пятьсот золотых казалась огромной, – я похлопала по поясу юбки, в котором таился мешок с монетами, – казалось, что потратить это нереально.

– А получается, что собрать нормальный гардероб нереально. – Тина мрачно жевала чуть зачерствевшую булочку. Откуда она ее взяла, оставалось загадкой.

– Это потому, что нет в вас стратегического мышления, – хохотнул Марон. – Кто тут великая и ужасная сотворительница порталов? Студенты с первого по четвертый мечтали, чтобы

ты завалила выпускные экзамены и осталась еще хоть на годик: домой-то всем хочется. Поесть нормальной еды, сэкономить монеты на дороге и все прочее.

– Ты предлагаешь продать еще порталы? – нахмурилась я.

– Я предлагаю метнуться в солнечный Иль-доратан – портовый город на границе с империей Штормов.

– Точно, – Тина щёлкнула пальцами, – в столице нынче шьют сами только на заказ, а остальное везут оттуда!

Найдя узкий неприметный закуток, мы с друзьями рванули в Иль-доратан. Из плюсов – магия слушалась меня идеально. Из минусов – Гамильтона пришлось брать на руки, а это кошмарно тяжело!

– Ваи, такой красивой девушке нужен другой собака! – это было первое, что я услышала, отойдя от перемещения.

– Эти нежные руки созданы для волосяной химеры, ласковой кнопки с теплым носом, – продолжал разливаться соловьем невидимый продавец. – Переход в мир Ти-Орнан открыт всего три дня! Успей купить, пока...

– Не успеет, – хрипло рявкнул Гамильтон и спрыгнул на землю.

А меня аж качнуло от того, как сильно он от меня оттолкнулся.

– О, вырожденец из псовых, – хохотнул невидимка, – что ты мне сд...

Мой толстый брылястый увалень превратился в рыжую молнию, а дальше... Скрип, шорох, рык и дикий визг!

– Я выкусил ему кое-что важное, – облизнулся Гамильтон.

Тина позеленела, и пес поспешил объяснить:

– Главный глаз, а не то, что вы подумали! Это существо похоже на гриб с кучей глаз. Оно продает своих детенышей. Пока они маленькие, их глаза похожи на волосы.

– То есть если бы я согласилась, то лохматое с теплым носом...

– Оно бы потом стало глазастым, – захохотал Марон, – вы бы чудесно смотрелись. Так, нам туда.

Марон бывал Иль-доратане куда чаще нас и потому ориентировался в нем вполне прилично. Но...

Рынок был огромен, цветаст и шумен. По воздуху плыл незабываемый аромат специй и, м-м-м, свежесваренного кофе. Как жаль, что это напиток мужчин и приличные леди его не пьют.

Осторожно приглядываясь, я отмечала, что мне могло бы пойти и то, и вон то, но... Где мерить? Здесь не было ни единого подобия наших столичных тихих одежных лавок. Стоило мне только замереть подле где-то как-то подходящего платья, как ловкая иль-доратанка чуть ли не раздела меня! Спасибо, Гамильтон ощерил зубы и внушительно гавкнул – женщина тут же отскочила в сторону. А я принялась застегивать пуговицы на платье.

– Не стоит надолго где-либо останавливаться, – шепнул Марон, скрывая улыбку. – Здесь довольно серьезная конкуренция. И методы борьбы за клиента несколько... М-м-м, обескураживают.

– Я вот думаю, – поправив пояс, сказала я, – что те пропахшие нафталином платья – прекрасный вариант. Дороговаты, но... Я же должна быть главным позором этого отбора, верно?

Тоски в моем голосе хватило бы на целую страну.

– Неверно, – фыркнула Тина, которая жалась поближе к Марону.

Подруга ненавидела шум, гам, скопление чужих людей. В общем-то, она ненавидела все то, что сейчас нас окружало.

– Ты можешь нас куда-то отвести? – опасливо спросила Тина. – А то Мина сейчас взбесится и перебросит нас назад. И что мы там будем делать? Воровать платья моей матушки? Так она будет на открытии бала невест и уж свой наряд, даже перешитый, точно опознает!

– Я тут ткани покупал, – неуверенно произнес Марон. – Не те, которые на платья, а те, которые на постельное белье. Еле выжил: меня тянули в разные стороны и даже руку вывихнули.

– Я чувствую кровь, – пафосно изрек Гамильтон и кивнул в сторону стен, опоясывающих рынок. – Там.

– Что ты можешь чувствовать, если у тебя нюх давно испорчен шоколадным табаком? – фыркнула я.

– Я чувствую кровь, порох и лососинный паштет, – отрезал пес. – Крови много, и она человеческая.

Щебет птиц, сидящих в клетках, душный запах специй и многоголосый гомон как будто отодвинулись. Я уже чувствовала в ладони холод рукояти отцовского меча, когда на плечо легла мужая ладонь.

– Не стоит вмешиваться. Законы Иль-доратана не имеют ничего общего с законами остальной страны.

Повернувшись, я увидела высокого черноглазого незнакомца.

– Возможно, – согласилась я с ним. – Но не думаете ли вы, что это происходит оттого, что все действуют как вы – не вмешиваются? Если вы видите несправедливость и проходите мимо – значит, вы одобряете ее. Я – нет. Не одобряю. И одобрять не буду.

Оставив трусливого незнакомца за спиной, я решительно направилась туда, куда уже спешил Гамильтон. Правда, отцовский меч я пока оставила в безвременье. Все же девица в потрепанном платье и с роскошным окраинным клинком будет чужеродно смотреться на иль-доратанском рынке.

Марон первым последовал за мной, затем я услышала перестук каблучков Тины и ее сдавленное:

– Ой, простите, я ненарочно.

И...

Незнакомец пошел следом.

Немного притормозив, я как бы случайно коснулась его руки. Ну же, не подведи! И дар не подвел. Привкус магии подсказал, что этот незнакомец и тот, которого я встретила в Академии, ничем друг от друга не отличаются. Но я готова поставить на кон свою голову: он не способен создавать порталы амулеты!

А туфли ведь так и не развеялись...

Я подтянула клинок ближе к себе. Так, чтобы рукоять уже холодила пальцы, но в реальности никто этого не заметил. Не хочу оставлять за спиной такого мага.

Тяжело вздохнув, незнакомец пошел следом за нами.

– Я не понимаю, – озадаченно произнесла Тина и опасливо огляделась, – как такой яркий и веселый рынок стал... Стал вот этим? Где эта грань, за которую мы переступили и не заметили?

Сменился не только цвет, но и запах. Вместо изысканных специй – плесень, вместо горького и бодрящего кофе – непередаваемая вонь закишей воды.

– И где ты различил лососинный паштет? – проворчала я, осторожно обходя зловонную лужу.

– Здесь? – удивился Гамильтон и обернулся на меня. – Здесь его нет. Я говорил, что, в принципе, различаю кровь, паштет и порох.

– Что такое порох? – подал голос наш нежданный попутчик.

– Если вы не знаете, значит, и не должны знать, – отрезала я. – Эти формулы могут навлечь беду на наш мир.

Марон вдруг резко остановился.

– Я вспомнил, что это за место. Тут раньше рабами торговали, в том числе и одаренными магией. Поэтому здесь все портится: они проклинали это место изо всех сил. И пусть их дар был скован, все равно у них это в итоге получ... .

Мы завернули за очередную брошенную торговую точку и увидели женщину. Она лежала на спине, руки раскинуты. Ее яркая дорогая одежда впитала кровь и грязь, волосы разметались, но...

– Она дышит! – выкрикнула Тина и рухнула перед женщиной на колени.

Я бестолково замерла рядом с ней. Увы, моя едкая, ядовитая сила создана, чтобы добивать людей, а никак не помогать им. Да что там люди! На мне простейшие царапины заживают втрое дольше, чем на обычных магах. И нет, кровью я не истекаю. Она запекается, и на этом все. Дальше только оттягивающие силу мази и притирания, компрессы и...

– Уходите, – простонала очнувшаяся женщина. – Спасибо, но уходите. Они вернутся.

Выхватив клинок, я резко развернулась.

Марон вздрогнул, и мы, не сговариваясь, встали по двум сторонам от Тины и ее пациентки.

– Не трать силу. – Несчастливая пыталась оттолкнуть руки Тины. – Уходи же! Я чувствую их!

Первую стрелу я успела рассечь надвое, вторую, третью и пятую приняла на наколдованный щит.

– Уходим, – рявкнула я и сделала длинный шаг назад, на ходу создавая порталный амулет.

Он утянул нас обратно к избушке. Вместе с умирающей и знакомым незнакомцем. Последнего я, впрочем, вытолкнула обратно в Иль-доратан.

– Тебе здесь не место, – фыркнул Гамильтон и чихнул.

– Ч-что это? – Женщина села и недоуменно коснулась травы.

Да, после грязи окраин Иль-доратанского рынка чистота и свежесть леса должны ошеломлять. Я с наслаждением втянула запах хвои и пожала плечами, а Тина строго произнесла:

– Мы в ответственности за тех, кого исцелили. Я будущее светило врачевания. Как мне жить, если бы я прошла мимо?

Марон поднял раненую на руки и внес в избушку, где усадил прямо на обеденный стол. Точнее, его подобие. И Тина вновь принялась забрасывать незнакомку исцеляющими заклятиями.

– Кто вы? – спросила она.

– А вы? – тут же отреагировала я.

– Я... Я идиотка, сбежавшая от навязанного мужа, – криво усмехнулась женщина. – Прошу, подарите мне новое имя, я не хочу... Не хочу иметь ничего общего с тем, что было.

Повисла тишина. Тина заканчивала врачевать женщину, а я судорожно обдумывала: стоит ли ввязываться в это? Подарить имя – это не просто бросить пару слов. Это ответственность. Ответственность за все поступки, которые совершит в будущем этот новый человек. Дракон или оборотень – неважно.

– Корделия, – проронил вдруг Марон. – Девочки?

Наш друг лучше всех чувствует людей, а значит...

– Мортифера, – прищурилась я.

– Корделия Мортифера, – задумчиво повторила она. – Мне нравится.

Марон укоризненно посмотрел на меня.

– Смертельная энергия, серьезно?

– Зовите меня Делия, – ласково произнесла женщина и сверкнула черными глазами, – для остальных я буду Мортиферой.

Она посмотрела прямо на меня, и я, неловко разведя руками, представилась:

– Отец хотел сына, а получилась я. Он назвал меня Вильгельминой, потому что мечтал о Вильгельме.

– Я видела окраинную сталь в твоей руке, – Делия чуть прищурилась, – эти клинки не каждому даются в руки.

– Это оружие моего отца.

– Оружие, – поправила меня Делия.

А я только усмехнулась. Окраинный клинок – это оружие, оружие и оберег. То, что спасет от тварей из темных миров. То, что возвратит восставших мертвецов назад в могилу. То, что отвратит взор темного духа. То, за что сейчас принято убивать: мастеров не осталось, и клинки переходят по наследству. Еще один камень преткновения между мной и матерью.

– Марон, – сказал вдруг наш друг.

– Ой, а я Тина, – хихикнула подруга.

Взгляды скрестились на моем компаньоне.

– Генерал-Пёс, но друзья зовут меня Гамильтон. – Он встал на задние лапы и на несколько мгновений стал выше нас всех.

– Очень приятно познакомиться. Что вы искали в Иль-доратане?

– Слишком много вопросов для той, что попросила о новом имени, – укорила я ее. – Платья мы хотели. Начался отбор крылатых невест, и я его часть, а платьев у меня нет.

– Ты хотела найти их на рынке? – недоверчиво спросила Делия. – Платья для королевского приема?

– Моя роль в этом отборе – быть хуже всех. – Не выношу чужого сочувствия, густо замешанного на осуждении и превосходстве.

– А. У нас это называется а-трэйти, – таинственно улыбнулась Делия. – Если перевести, то получится «та, что делает других счастливыми».

– У нас это называется «чудовище», – в тон ей ответила я. – Да и выбора мне никто не предоставил. И золото нужно.

– У них на нас компромат, – с отвращением добавил Гамильтон.

– Я забрала свои платья. Среди них есть те, что я не носила. Я отдам.

Сложив руки на груди, я недоверчиво спросила:

– С чего такая роскошь? Да и глупо получится, если твой муж опознает то, за что заплатил.

Хотя вряд ли мужчины способны узнать платье жены на другой.

– Вы спасли мне жизнь, и ненужные мне вещи лишь малая часть того, чем я должна отдариться, – серьезно сказала она и добавила: – Но я буду благодарна, если мне позволят жить здесь. Мой дом остался в империи Штормов, и... Я не вернусь.

– Видишь ли, это неизвестно чья избушка. – Я потеряла кончик носа. – Мне не жалко, но у нее может быть настоящий хозяин.

– Прекрасно, он давно не объявлялся, я придумаю, что соврать, – кивнула Делия и сняла с руки браслет. – Каждая бусина – платье. Удачи тебе.

– И тебе. – Я сжала украшение в пальцах.

– И ты даже не спросишь, как распаковать платья?

– Самой вскрыть интереснее, – отозвалась я. – Или есть подвох?

– Нет, – она подняла руку, – клянусь кровью, душой и магией, что не злоумышляю против своей новой родины.

Магия приняла ее клятву, и мы, поняв, что миссия выполнена, забрали сваленные кучкой уменьшенные чемоданы и отправились во дворец.

Кое-как пройдя «бумажные» кордоны и заполнив просто нереальное количество бумаг, мы узнали, что могли никуда не торопиться. Наш полуправитель прислал призрачного вестника и велел отложить бал невест на неделю! Видите ли, он где-то задерживается. Вот где может задерживаться Правитель, живущий в соседнем дворце?!

И главное, если бы не чуткие уши Гамильтона, то мы бы и не узнали, из-за чего все так растягивается...

Глава 3

Дворец невест очень странное место. Высокий пышноусый мужчина вручил мне тонкую брошюрку и дал несколько дней на изучение.

Текста в этой брошюрке было всего ничего. Нет, он серьезно?! Я три тома теории магии вы зубрила в ночь перед сдачей экзамена! А тут шесть абзацев по пятнадцать строк.

Зато было время, чтобы разобраться с браслетом. А то меня даже служанки пожалели и предложили несколько своих платьев. Странное чувство: вроде и приятно, а вроде стыдно до ужаса.

– Не жалеешь, что решила быть самостоятельной? – с интересом спросила Тина, видя, что шарики на браслете никак мне не поддаются.

– Нет, – сквозь зубы отозвалась я. – Ничуть. А где Марон? Он точно зазубрил предпоследнюю страницу «Правил поведения на территории дворца крылатых невест»?

– Я бы поставила ему отлично, – фыркнула Тина и добавила: – Они ушли часа два назад. Гамильтон хотел найти поваров и объяснить им, что подавать благородному бассету свиные кости в жестяном тазу – верх неприличия. А Марон хочет найти хоть что-нибудь об империи Штормов. Будет грустно, если вместо где-то как-то подходящих платьев ты получишь нечто вроде горных накидок с нашитыми камнями.

Фыркнув, я вновь вернула свое внимание браслету. Делия выглядела человеком, который потерял волю к жизни. Да, Тина подлечила ее. Да, рана была несерьезной. Но...

От нелюбимого мужа уезжают в другой город, а не бросаются через море. От чего она бежала? Что ей довелось пережить?

И тот незнакомец, чье лицо совершенно не отложилось в моей памяти, почему он пошел следом за нами? Марон сказал, что он перехватил столько же стрел, сколько и мы. Но ведь изначально мужчина не хотел, чтобы мы шли туда.

Или он хотел пойти туда один?

Браслет тихо хрупнул, и меня погребло под слоем платьев, нижних юбок, платков, чулок и прочей продукции. Так, если здесь есть нижнее белье – на свалку. Что-что, а это я после кого-то надеть не смогу.

– А ты упорная, – хмыкнула Тина и помогла мне подняться.

Целый час мы сортировали платья, развешивали на парящие в воздухе манекены и любовались-любовались-любовались.

Мода Штормовой Империи отличалась от нашей не слишком сильно. Корсеты, пышные многослойные юбки, изысканная вышивка – все это было. Но! Были и полностью открытые плечи.

– Это скандально, – выдохнула Тина, когда я примерила синее с серебром платье.

– А мне нравится, – усмехнулась я.

Серебряное шитье перекликалось с моей пепельной косой. Безжалостное солнце выбелило волосы до серебряного оттенка. Хотя папа, когда находил для меня время, иногда обнажал клинок и, посмеиваясь, говорил, что мои волосы цвета окраинной стали.

Пышные рукава платья подчеркивали тонкие ключицы, корсет туго обхватывал талию, а пышная юбка мягкими волнами спускалась до самого пола!

И прикрывала мои потрепанные туфли, что очень и очень немаловажный фактор.

– Слишком роскошно для повседневности, – я провела ладонью по расшитой ткани, – но ничего проще у Делии нет.

Распустив свою простую косу, я взялась за приведение волос в порядок. И сделать это надо побыстрее, иначе вернется Марон и... Лекция про шпильки, которые должны впиваться в кожу головы, все еще свежа в моей памяти.

– Теперь можно и с невестами знакомиться, – хмыкнула я и развеяла сотворенное зеркало.

В той брошюрке, что нам выдали, помимо груды бесполезной информации, было еще и расписание мероприятий дворца крылатых невест. И я после «периода адаптации» должна его придерживаться. Так вот согласно расписанию, сейчас все претендентки на руку, сердце и иные органы Правителя должны быть в музыкальной гостиной.

По замыслу устроителей отбора, мы должны познакомиться, подружиться и создать между собой плотные дружеские узы. Чтобы, когда одна из нас станет супругой, остальные были ее поддержкой и опорой.

Я, когда это читала, с трудом сдерживала смех. А вот мои друзья не сдерживались и нахохотались вдоволь.

– Слушай, – Тина приостановила меня, – не приходилось к слову, но... Ты музицируешь? Хоть немного?

Уклончиво пожав плечами, я обтекаемо ответила:

– Музыка не чужда мне.

Только вряд ли кто-то хочет услышать окраинные песни. Наши люди предпочитают тяжелую, мрачную музыку. Трудно сочинять что-то легкое и беспечное, когда не знаешь, доживешь ли до конца года.

Прорывы из миров-сателлитов появляются все чаще, а боевых магов становится все меньше. Про окраинную сталь и говорить нечего: мастера были убиты не просто так. С этим никто не согласится, но отец считал именно так, и я верю в его выводы. Увы, он так и не смог ничего доказать. Погиб раньше, чем...

Не сейчас. Я не буду это вспоминать.

– Дождемся мальчиков? – спросила Тина и поправила свое платье.

– Вчера они вернулись за полночь, – напомнила я.

Взяв карту, мы решительно выдвинулись навстречу утонченным леди, одна из которых станет победительницей этого цирка.

Тяжелая юбка приятно шуршала, по пустым гулким коридорам разносился перестук наших каблучков. Взгляду же зацепиться было не за что: дворец невест был похож на зефир. Белый, розовый и разбеленный розовый. Одна сплошная приторная сладость!

Мы подошли к дверям, и я хихикнула, рассмотрев целую тучу колдовских меток. Некоторым было под триста лет!

– Кажется, раньше карты не выдавали, – фыркнула Тина, которой я показала, куда смотреть.

Из-за дверей доносился чей-то высокий, хорошо поставленный голос и такая себе игра на рояле. И что делать? Стоять под дверьми – глупо, входить во время выступления – невежливо.

– Будем надеяться, что двери в стороне от эпицентра событий, – решила я и аккуратно приоткрыла одну створку.

Вот только эти гадские двери разлетелись в стороны с треском и грохотом!

Певица дала петуха и резко замолкла.

А я под прицелом нескольких десятков глаз прошла сквозь весь зал к дальнему незанятому диванчику.

И только когда я уселась и приняла позу воспитанной леди, до меня дошло:– здесь все абсолютно одинаковые. Каштановые волосы, выбеленная кожа, алые губы.

Тина это тоже заметила и, повернувшись ко мне, хихикнула:

– Так вот как выглядит та самая белая ворона.

Голос ее разнесся по всему залу, и мой привычно выставленный щит затрещал под шквалом мелких проклятий.

При этом в нашу сторону не повернулся никто. Как будто ничего и не было! И никто не проходил сквозь всю музыкальную гостиную. И не ломал двери, хотя на самом деле я тут абсолютно ни при чем.

Дождавшись, пока запоет следующая красавица, я призвала из безвременья отцовский клинок.

– Ты хочешь выиграть любой ценой? – восторженно прошептала Тина, на что я, укоризненно вздохнув, напомнила подруге:

– Моя задача – красиво сойти с дистанции, уступив дорогу политически подкованным невестам.

Дальше я отвязала от эфеса клинка небольшую сумочку, вытряхнула из нее пальцы, иголку и моток ниток. После чего сумочку примотала обратно к клинку и все это отправила в безвременье.

При виде рукоделия Тине стало плохо. Она еще помнила, как я подшила отошедшее кружево на подоле юбки.

– Отбор не начался, – шепнула я, – надо выглядеть безобидно и обыденно.

Подруга тихонечко вздохнула и еще тише спросила:

– А ты со мной посоветоваться не могла?

– А что не так? – Я увлеченно тыкала иглой в ткань.

– Да нет, ничего. Просто... Просто я даже знать не хочу, где ты раздобыла сапожную иглу и дратву.

– Дратву? – переспросила я. – Это нитки, черные. Я вышию контур, а потом заполню его чем-нибудь цветным.

Тина покачала головой и попросила меня никому не показывать мои художества.

А мне все нравилось. В безвременье был припрятан мешочек с целым состоянием, платья у меня есть, а без защитных артефактов я уж как-нибудь обойдусь. Отбор, конечно, дело опасное. Но я-то буду среди отстающих, так что бояться мне нечего.

Ну а если кто проклятьем в меня бросит... Что ж, есть у меня прекрасная разработка под названием: «Возьми себе».

Девица, надрывавшаяся у рояля, внезапно как-то неаристократично взвизгнула и за долю секунды оказалась на крышке жалобно скрипнувшего музыкального инструмента. Я одобрительно хмыкнула: такие прыжки не каждая себе позволить может!

Сквозь разломанные двери проскочила серая крыска, следом за ней степенно вошел Гамильтон, и за ним уже в музыкальный зал вступил Марон. Остановившись ровно по центру музыкальной гостиной, они принялись недоуменно оглядываться.

– Мне хочется спрятаться, – внезапно сказала Тина.

– Ты можешь, – вздохнула я и подняла руку, привлекая к себе внимание, – а мне не вариант. Белый на темном хорошо видно.

Вообще, я хотела избежать приветственного крысиного писка, но Гамильтон не успел (или не захотел успеть) перехватить Журжика, и тот начал свою песню. А тут надо уточнить, что крыса я не просто собирала из не-животных материалов, а из того, что было. И вот вместо голосовых связок у него туго натянутый узкий лист осоки. Никогда не пробовали свистеть с его помощью?

Вот этот-то мерзкий звук и разнесся на все помещение.

– Кажется, мы здесь не к месту. – Марон неловко улыбнулся.

– Тебе кажется, – утешил его пес и подошел к нам с Тиной.

При этом он по пути небрежно рассыпал вокруг себя: «Добрый день, здравствуйте, здравствуйте, добрый день».

– Тут концерт до какого часу? – Он сел у моих ног и протяжно зевнул. – Не люблю человечьи вопли, то ли дело вой королевских су...

– Гамильтон, – процедила я и с силой провела ладонью меж его ушей, – захлопни пасть и наслаждайся. Когда еще ты увидишь крылатых невест?!

Я хотела заставить его вести себя прилично, но...

– Как это когда? Завтра, послезавтра и послепослезавтра, – фыркнул пес и с тяжелым вздохом улегся.

А затем еще и морду лапами закрыл, паразит.

И что самое главное, происходило всё это в кристальной тишине. Никто, абсолютно никто не произнес ни слова.

Бьют их здесь, что ли?!

– Кто ты, представься, – разнесся по музыкальной комнате высокий надменный голос.

Вскинув взгляд, я увидела стоящую в дверях златокосую леди. Она сама и ее платье, сшитое по всем канонам нашей страны, резко диссонировали с внешностью и одеждой остальных невест. Хм, так я тут не одна такая «не такая, как все».

– А ты? – вопросом на вопрос ответила я, не спеша, впрочем, подниматься на ноги.

Она, может, и не невеста вовсе – вон как из общего ряда выбивается.

– Прошу простить мне мою рассеянность, – она красиво повела рукой, как бы охватывая всю музыкальную гостиную, – я леди Лилиана Морей, младшая дочь герцога Морей.

Хах, отец ненавидел Мореев: их служащие мнили себя пупами земли и постоянно срывали поставки продовольствия.

Но встать все же придется, иначе именно я буду выглядеть как поганка с сомнением.

– Я леди Вильгельмина Фоули-Штоттен, старшая дочь барона Фоули-Штоттен.

– Окраинного барона, – уточнила леди Морей, – полагаю, вы получили диплом заранее. Вижу, что ваш дар... Необыкновенен.

Она кивнула на Журжика, скользнула взглядом по Гамильтону и, не обратив и крохи своего внимания на Тину и Марона, снисходительно бросила:

– Приятное мимолетное знакомство, леди Фоули-Штоттен.

Она заняла свое место, и музыкальная гостиная взорвалась едва слышимым шепотком. Обсуждали все: мое появление, Гамильтона и Журжика. И, конечно, мое платье.

– Так вот ты какая, будущая супруга Правителя, – глубокомысленно произнесла я. – Морей. Не лучший, но понятный выбор.

На этом мой интерес к происходящему угас. Но герцогская дочь не успокоилась и, степенев очередные певческие потуги, повернувшись в нашу сторону, громко спросила:

– А вы музицируете, леди Фоули-Штоттен? Мы уже которую неделю коротаем время за нехитрыми развлечениями, и я, признаюсь, порядком подустала.

Осознав, что Лилиана Морей присматривает себе придворных дам, я криво улыбнулась и слегка соврала:

– Я не самый умелый игрок на рояле, а уж голос... Предпочту слушать, а не людей пугать.

– Я тоже предпочитаю слушать, – неприятно улыбнулась Лилиана. – Но раз вы не хотите петь, так сыграйте же!

Это звучало как приказ. Я ненавижу приказы. С того момента, как мать притащила в дом этого ублюдка и приказала выказывать ему почтение.

Гамильтон заинтересованно выпрямился, а я, оправив юбку, грациозно поднялась и, вытащив на свет свою лучшую улыбку, с хрипотцой произнесла:

– Как прикажете, леди Лилиана Морей.

Вы хотите музыку? Вы получите музыку.

Мой тяжелый, ядовитый дар закручивался вокруг меня и шлейфом стелился позади. Сейчас я могла чувствовать чужой страх. И чужую злость. Они не понимали, почему эта странная девица выглядит столь пугающе.

Сев перед роялем, я сразу уложила кисти на прохладные клавиши. Мне не нужно вспоминать ноты, мне не нужно разминать пальцы. Этот звук несется над окраинными городами и деревнями слишком часто. До боли часто.

Вступление как удар. Удар с тяжелым, звучным эхом. Не забывать про педали, что углубляют звук.

Эта композиция знакома всем и каждому, но вряд ли марш мертвых когда-либо звучал в этой нежно-зефирной гостиной.

Дар кипит, ярится вместе со мной.

Зря это делаю. Прошло десять лет, но скорбь все еще сильна. Все еще не затянулась рана нежданного предательства. Все еще... Болит. Так сильно, что тяжело дышать и на ресницах повисают слезы.

Последний удар и тишина.

Они, ошеломленные, не смеют даже вздохнуть. Им бы хоть секунду, чтобы сообразить, чтобы напасть, но я быстрей!

– Вторая неделя последнего зимнего месяца выдалась особенно богатой на марш Иовин Таурмар, – низким, надорванным голосом произнесла я, не поворачиваясь к аудитории. – Герцог Морей поставил личную выгоду выше договорных обязательств, и корабли с провиантом пошли к острову Цветов. Окраина ничего не забыла, леди Лилиана Морей.

И я с такой силой ударила по клавишам, что рухнула высокая рояльная крышка.

– Наслаждайтесь, – я поднялась на ноги, – и знайте, что герцог Морей убил больше четырех тысяч человек, среди которых был и последний мастер ледяной окраинной стали. Весь дополнительный паек мастер Дейтор отдавал сиротам. Они, впрочем, тоже не выжили.

Резко развернувшись, я, чеканя шаг, покинула музыкальную гостиную. Кажется, развлечения на сегодня окончились.

В коридоре я наткнулась на высокую степенную даму. Мелкая сеточка морщин в уголках губ выдавала ее почтенный возраст, а значит, она не могла быть в числе невест. Она что-то пыталась мне сказать, но я просто взяла ее за талию, приподняла и переставила в сторону. Спасибо магии, я могу подвинуть не только высушенную селедку, но и более серьезные препятствия.

Я не бежала. Пусть сердце колото иглами, а воздух с трудом удавалось протолкнуть сквозь пересохшее горло... Я не бежала. Я шла в свои покои так, будто нет ничего и никого, кто бы мог поколебать мое спокойствие.

А после... Тина и Марон усадили меня в глубокое кресло, откуда-то появилась огромная кружка с горячим шоколадом и пузатая банка с печеньем.

Меня отпустило. Я поставила кружку на пол, и Гамильтон немедленно приступил к дегустации.

– Это было сильно, – негромко сказал Марон.

– Это была пощечина, – усмехнулась Тина.

– Я наследую отцу, – хмуро произнесла я. – Миледи Фоули-Штоттен соизволила повторно забеременеть только от своего нового ухажера. Они надеются прибрать баронство. Дураки. Ни в ком из них нет крови Фоули.

– А Штоттен? У вас ведь двойная фамилия?

– Десять поколений назад не было баронства Фоули-Штоттен, – я улыбнулась, вспоминая семейную историю, – а были две семьи. В одной из стычек дева из рода Штоттен встретила наследника Фоули. Они возненавидели друг друга с первого взгляда. Но шли годы, и когда деву Штоттен уже хотели объявить старой девой и отправить в монастырь... О, мой далекий предок был в гневе! Он по бревнышку раскатал ту церковь и похитил мою далекую прабабку. А она, назло своим дальним родственникам, просила Правителя объединить земли. Так маг и

колдунья стали бароном и баронессой Фоули-Штоттен. А благодаря их внучке во главе баронства может встать и женщина.

Тут я вздохнула и честно добавила:

– Если докажет, что ее дар силен и стабилен. Вот в поисках этой стабильности я и пришла в столицу. На самом деле там, дома, у меня был хороший наставник. Он позволял мне жить у себя, потому что в замке было жить невозможно.

– Невозможно, – подтвердил Гамильтон и сел, – я был призван, чтобы защитить маленькую леди. Но даже я не мог справиться.

– Я по глупости дала клятву не вредить любовнику миледи Фоули-Штоттен. Дай сюда морду, она же вся шоколадная!

– Это потому, что я тот еще сладкий пряничек, – оскалился пес, передразнивая сюсюканье одной из придворных дам, что столкнулась с ним на том самом Весеннем балу.

– Кстати, о пряничках, – я вздрогнула, – Журжика кто-нибудь забрал из музыкальной гостиной?

Марон посмотрел на Гамильтона, Гамильтон на Марона, а после оба уставились куда-то за окно. Понятно.

– Зачем вы вообще его брали? – с изрядной долей раздражения спросила я.

– Ты не пахнешь ни порохом, ни лососевым паштетом, ни кровью, – перечислил Гамильтон, – как еще мы должны были тебя найти?! Лучше скажи, зачем двери сломала?

– Вариант, что не я, – не вариант? – прищурилась я.

– Пф-ф-ф, – фыркнул пес, и я сдалась:

– К сожалению, это действительно мы с Тиной.

– С каких пор ты сожалешь о своих проделках? – удивился Марон.

– С таких, когда это не моя проделка, а чужая. Мы только коснулись дверей, а они разлетелись, – проворчала я. – Противно быть частью чужой шутки.

– Ну, – Тина развела руками, – любишь шутить – люби и смеяться.

– Ха-ха. Только вот, по-моему, все это готовилось для Морей. О нас никто не знал, и если бы не мы, то именно она появилась бы с такой помпой.

– Или она и хотела появиться с помпой, – разумно предположил Марон.

– Да, от Мореев всего можно ожидать, – согласилась я.

– Может, в парк? Что угодно, лишь бы не киснуть в четырех стенах, – Тина поежилась, – мне дурно от всего этого бело-розового великолепия.

– Скажи спасибо, что они наляпали сверху позолоту, – фыркнула я и открыла портал. – Может, на рынок? У меня осталась мелочь. Хватит на сосиски в хрустящем тесте.

– М-м-м, это те, которые в кипящем масле жарят? – облизнулся Гамильтон. – Насаживают на тонкую палочку, после макают в жидкое тесто и затем опускают в масло? На рынок, срочно на рынок.

– Надеюсь, это наш, столичный рынок? – опасливо уточнила Тина.

– Наш-наш, – проворчала я и подпихнула Гамильтона под толстую жопку, – давай, любитель странного.

Уже на той стороне пес недоуменно спросил:

– Почему странного? Это же не я в роскошном, почти бальном платье на рынок вышел.

Вздернув бровь, я призвала синий шелковый платок и укуталась в него, прикрыв голые плечи и богато украшенный лиф.

– Я обычная леди в хорошем, дорогом наряде. А ты странный, потому что ты то требуешь изысканных яств, а то ворует последнюю сосиску в тесте.

– Инстинкт охотника, – небрежно бросил пес. – Я все ж, воин и мужчина, а не какая-то там мелкотравчатая шавка.

А после, когда мы отоварились, он потребовал сервировать ему вон тот плоский камень. Преобразовать салфетку – с узорными краями, но без кружева. И чисто белую тарелку, круглую.

– Она недостаточно круглая, – ворчал пес, глядя на мое творение.

– Не нравится? Переделай, – отрезала я.

И вцепилась зубами в сосиску. Без тарелки и без кружевной салфетки. Иногда мне кажется, что леди из нас двоих совсем не я.

«Это только кажется», – утешила я себя и почистила лицо и рот заклинанием.

На рынке мы развлекались до позднего вечера: смотрели огненное шоу, играли в дартс и даже выиграли небольшой волшебный шарик. Он парил над головой хозяина и цветом выражал эмоции. Привязкой служили кольца, которые мы передавали друг другу. Шарик выдавал неизменный золотистый цвет – покой и умиротворение.

– Как возвращаться-то не хочется, – вздохнула вдруг Тина. – Тяжелая там аура.

– Ну, юные леди готовятся убивать других юных леди, – Гамильтон плюхнулся в пыль и почесал ухо задней лапой, – это не может не менять атмосферу.

– Единственное, чего я не понимаю, – зачем там я. Они, по-моему, прекрасно себя чувствуют.

– Тем более что главная тараканиха уже выявлена, – хмыкнул Марон. – Ладно, что уж оттягивать, открывай портал. Пора на работу.

– На работу? – хихикнула я.

– Ну, деньги тебе уже заплатили, – улыбнулся он, – и обещают премиальные в виде дорогих украшений.

– Что ж, на работу так на работу. – Я размяла кисти и открыла портал.

– И?

– Кажется, – я виновато потерла нос, – у меня опять оно.

– Магическое бессилие?! – Тина прижала ладони к щекам. – Как же мы теперь вернемся?

– Марон зачар...

– Нет! – в два голоса выкрикнули друзья, а после Тина жалобно добавила:

– Я не хочу опять на болото.

– Тогда пойдем пешком, – я была настроена оптимистично, – и посмотрим, что там за заклятья на дворцовой оgrade!

Ну а что? К своим приступам я давно привыкла. Оно и хорошо, что дар уснул сейчас: не опозорюсь на замере сил.

– Нам бы хоть извозчика нанять, – вздохнула Тина. – Но мой «гулятельный» кошелек показал подкладку на последней чашке сливочного кофе.

– У меня четыре медные монеты, – жизнерадостно сказал Марон, – хватит на четыре чашки ромашкового чая. Будем идти и пить.

– Да? – скептически уточнил Гамильтон. – Тогда я поеду на твоих плечах, умник.

– А едь, – ничуть не смутился парень, – вес тебе только уменьшу, а то твой зад слишком тяжел для простого мага.

– Я тебе знаешь что уменьшу? – завелся Гамильтон, не терпевший намеков на излишнее количество складок на шкуре.

Так, склочничая и подкалывая друг друга, мы прошли часть пути. И тут я увидела их...

– Нет, – выдохнул Марон. – Нет-нет-нет.

– Ну конечно, нет. – Я небрежно облокотилась на низкую каменную ограду, за которой стояли прекрасные пегасы. – У нас и денег нет, да и смысла в этом нет: пегасы летают низко и защитную стену вокруг дворцового комплекса преодолеть не смогут. У всех свой уровень, Марон.

Друг побледнел и прижал к губам пальцы, собранные в щепоть. Хм, просит милости у богов? Это он зря, боги обладают своеобразным чувством юмора.

– Уровень пегаса – карета, цепляющая колесами крыши, – покивал Гамильтон и зевнул, – недаром же сейчас пытаются их запретить. Урон от них ого-го, а пользы-то и нет почти.

– Потому что надо вернуть их туда, откуда взяли, – поддакнула я.

После того занимательного полета мы с Гамильтоном слегка освежили свои познания в зоомагии и пожалели, что так часто прогуливали. То есть пропускали бессмысленные занятия по уважительной причине.

Тихий шелест, и надо мной навис огромный алоглазый крылатый конь.

– Ну что ты, хороший, – я смело положила ладонь ему на мощную шею, – обиделся? Ну, прости, сказала то, что думала. Я постараюсь так больше не делать. Идемте, отдохнули – и хватит. Бедные ходят пешком.

Пегас же, насмешливо фыркнув, коснулся бархатистыми губами моей щеки. И я вдруг устыдилась. Он ведь не виноват, что закон вот-вот будет принят и пегасов выкинут в их умиряющий мир. И также он не виноват в том, что я опять нарушила правила и покинула дворец.

– Прости. – Я смело погладила его по узкой, щучьей морде. – Я знаю, что ты можешь летать в небесах. Просто хотела обмануть тебя и заставить отнести нас к дворцу. Я крылатая невеста и сбежала в город, представляешь? А теперь не могу вернуться обратно.

Пегас недоуменно заржал и попытался заглянуть мне за спину, я же, засмеявшись, объяснила:

– Это оттого, что наш Правитель ведет свой род от последнего дракона. И чисто теоретически у него могут появиться крылья. Поэтому его невест зовут крылатыми. Согласна, это странно. На деле его бы надо называть крылатым женихом, но... Меня никто не спрашивал.

Пегас вскинул морду к небесам и тихонечко заржал. Тут же вокруг нас собралось еще несколько крылатых коней.

– Мы умрем? – слабым, обреченным голосом спросил Марон.

– Я знала, что так будет. Я знала, что так будет! – на грани истерики выпалила Тина.

– Ты позволишь сесть тебе на спину? – с восторгом спросила я. – Никто и никогда не садился на пегаса верхом!

«Потому что им страшно, – он передал мне свою мысль. – Потому что кареты и ландо полны чуждой нам магии, и если мы их уроним, то люди останутся целы. А если я сброшу тебя со спины, то ты умрешь. Хочешь лететь?»

– Он говорит, что пегасы не хотели таскать кареты, – произнесла я, зачарованно глядя в глаза крылатому, – но магам страшно, и они предпочли создать кареты, магия которых мешает конячкам летать.

– А почему магам страшно? – осторожно уточнила Тина.

– Если они сбросят нас, то мы разобьемся насмерть, – с улыбкой ответила я. – Он спрашивает, летим ли мы?

Друзья замаялись, переглянулись и взяли паузу. Про себя я уже все знала: лечу. Оказаться в небе, подняться к облакам – что может быть лучше? А разбиться... Не страшно, Гамильтон спасет. Уже спасал, а там было сложнее.

– Летим, – решительно ответили мои нерешительные друзья.

Признаюсь, я кричала от восторга. Моя шаль размоталась и летела позади нас: она зацепилась за украшение на платье. Волосы выбились из косы, но...

Это было упоительно. Как можно променять такой полет на унылую тряску в ландо?!

«Зови, крылатая, если мы будем здесь – придем», – фыркнул пегас и стрелой взмыл в небо.

– Как жаль, что у нашей семьи нет политического веса, – с тоской произнесла Тина. – Их мир распадается, магия покинула его. Кому же так надо избавиться от пегасов?

– Не знаю, – я с тоской посмотрела в темное небо, – но уверена: не обошлось без золота. Плюс они разумны и своенравны.

– И первым ударом было то, что с пегасами запретили заключать договор компаньонства, – рыкнул Гамильтон.

– Так давайте же сделаем для них что-нибудь хорошее? – загорелась я.

– Тебе не жаль конячек?! Им и так досталось, – возмутилась Тина. – И они молодцы, посадили нас на крышу дворца невест. Осталось только как-то попасть внутрь, и все.

– Или остаться здесь до утра и соврать, что нас тут просто забыли, – добавил Марон.

Мы обследовали резную крышу и нашли только одно – спуск на балкон все той же многострадальной музыкальной гостиной. Вот только балконная дверь была закрыта!

– Ну, так откройте, – возмутилась я, глядя на друзей, – вы же маги!

– Но не взломщики, – обиделся Марон.

– Да там простое заклятье, – фыркнула я. – Давай я объясню.

– Журжик, – вспомнил вдруг Гамильтон, – умеет выполнять приказы и к тому же прыгуч и ловок, как живая крыса.

Прежде чем я успела возразить, мой компаньон плюхнулся толстый зад на мрамор, вскинул брялястую морду к небесам и завыл. А его вой... Так бесы в Подземье орут – страшно, громко и противно пронзительно.

Темный парк начал отражать яркие огни: невесты проснулись и спешили узнать, что за напасть приключилась среди ночи.

– Я позвал его, – довольно облизнулся Гамильтон, – скоро прискачет.

– Иногда мне хочется поддаться искушению и сказать: «Я не с ними», – с ноткой тоски произнес Марон и добавил: – Но я всегда давлю в себе это недостойное чувство.

– Да ладно, – отмахнулась Тина, – все мы немного неидеальны.

– Я попросил бы не обобщать, – холодно произнес Гамильтон. – Но все вы – да, бесспорно, неидеальны.

Где-то в глубине дворца раздался дикий истеричный визг.

– А может, мы туда не хотим? – неуверенно спросила Тина. – Может, там что-то страшное? Пусть грызет тех, у кого есть деньги на хорошего целителя?

Потерев переносицу, я рассудительно произнесла:

– Дворец полон нежных девиц в состоянии легкого умственного помрачения. Мы же ради этого здесь присутствуем – чтобы они могли сравнивать себя со мной и радоваться. И...

Тут я замялась, не зная, как сказать, что продолжала экспериментировать над Журжиком. Ну а что такого?! Он не живой, ему не больно! А подселенная в него слабенькая псевдосущность вообще за любой движ!

– Оно пришло, – севшим голосом произнес Марон.

Музыкальная гостиная наполнилась призрачным светом, исходящим от моего летящего по воздуху крыса. Тот активно перебирал лапами так, будто плыл. Точнее, он и плыл по воздуху: крылья ему дать не удалось.

– Нас сожгут, – мрачно произнесла Тина, когда Журжик отодвинул защелку и мы ввалились в музыкальную гостиную. – Вот просто возьмут и сожгут.

– С расцветом магических наук одаренных людей перестали жечь, – возразила я и перехватила плавающего вокруг меня крыса.

Несколько поглаживаний по пузику, и мое творение заснуло.

– Смотрите, а они уже все исправили, – хмыкнул Марон.

В эту же секунду распахнулась починенная дверь и в гостиную ввалилось истинное чудовище! Оно было длинным, костлявым, с лица стекала пузырящаяся пена, а смрад, распространяемый им, был...

Был похож на запах пузырьковой глиняной маски. А еще монстр был одет в длинную белую ночнушку.

– Кто вы и что здесь делаете?!

– Я одна из крылатых невест, Вильгельмина Фоули-Штоттен. Услышала, что кто-то кричит, и решила войти в гостиную, чтобы притаиться и посмотреть. Если во дворец проник монстр, то я могла бы атаковать его со спины. А если это просто чужая глупость... Что ж, в этом я участвовать не хочу. А вы... простите, я не узнаю вас, ну, в маске.

– А я та, кого вы столь любезно подвинули со своего пути, – фыркнул монстр. – Распорядительница крылатого отбора. Вы знаете, что из-за наличия в вашей свите мужчины вам придется проходить процедуру проверки невинности еженедельно?

– Нет, – я потеряла кончик носа, – но меня это не волнует. Хоть каждый день, там делов на полминуты – одно заклятье, и все.

– О, вы даже не возражаете против магической проверки? – удивилась распорядительница отбора, и ее маска сразу как-то одобрительно пузырькнулась.

– Ну, это всяко и проще, и быстрее, чем любые другие варианты, – я удивилась еще больше.

– Идите спать, – усмехнулась распорядительница отбора. – И лучше бы вам все же спросить мое имя, поскольку нигде в документах и правилах вы его найти не сможете.

Смутившись, я вежливо уточнила, могу ли я узнать ее имя.

– Таймира Илзерран, последняя драконья жрица. – Она повернулась к выходу, а после, остановившись в дверях, не оборачиваясь, проронила: – Забавная химера.

– Спасибо, – улыбнулась я и присела в глубоком реверансе, – очень приятно.

– Мина, – простонал Марон.

– Что еще я могла сказать? – возмутилась я. – Извините?

– Давайте спать уже, – зевнула Тина. – Есть у меня желание посидеть в четырех стенах. А то день больно долгий. А где Гамильтон?

– Здесь, – раздалось из-под рояля, – она не соврала. И правда жрица. Надо нам как-то нашу привязку прятать, Вилли. Иначе поедем на болота чихран собирать.

Я вздрогнула и помотала головой. Сгнить на болотах нашей необъятной страны мне не хочется от слова совсем! Спасибо, конечно, что женщин не отправляют в каменоломни, но...

Ничего, до утра что-нибудь придумаю!

Глава 4

До утра я успела только измотать себе нервы и таки приделать Журжику стрекозиные крылья. Увы, пришлось отойти от своих правил и все же использовать живую материю. Стрекоза могла бы быть против, но она и так умирала: кто-то раздавил бедняжку.

– Оно теперь летает, – вздохнула Тина.

– Смени ему цвет, – посоветовал Марон и допил чай, – иначе не только драконья жрица будет знать о том, что именно ты устроила ночной переполох.

Я только плечами пожала:

– Ну и что? Никто не умер. Мне больше интересно, как чихран продавать мимо государственных скупок?

– Чихран запрещен к свободной торговле, – напомнила Тина. – Это растение слишком опасно. А его сок разъедает кожу!

– За незаконный сбыт чихрана мужчин отправляют в каменоломни, а женщин на болота, собирать все тот же чихран, – задумчиво проговорил Гамильтон, – хм, мы можем открыть бизнес. Насобирала, продала, подставилась. Насобирала, продала, подставилась.

– Умерла, – мрачно добавила я.

– Умерла богатой, – поправил меня Гамильтон.

– Золото и драгоценности в могилу не заберешь, – огрызнулась я.

Посмотрев на нас, друзья поняли: мы ни до чего не додумались.

– А что вообще может скрыть привязку? И почему она прошла именно так? – тихо спросила Тина. – Что вы нарушили?

– Я умирала. Не было ни ритуальных мелков, ни растительно-магических красок. У меня была только моя сила, ушедшая на самое дно души, и моя же кровь, которой было залито все, вокруг меня. Вот кровью-то я и начертила круг призыва.

– Но ведь...

Марон не договорил, я его перебила:

– Да, на кровь могут прийти темные твари, живущие в мертвых мирах-сателлитах. Но пришел Гамильтон, который...

– Чует кровь, порох и лососинный паштет, – шепотом проговорила Тина.

– Именно. Он спас меня.

Я коснулась головы своего компаньона.

– Но я подвергла опасности нашу границу. И цвет моей печати – алый. Как ни перекрашивай, настоящий цвет вылезает наружу.

В комнате повисла тишина. Я лениво пила невкусный чай и по кусочку отщипывала от сдобной булочки.

– А если Гамильтон уже был рядом с тобой? – спросила вдруг Тина.

– Да говорю же...

– А ты не говори, – перебила меня подруга. – Что, если это он выпал к тебе умирающим? И ты умирала, и он. И ты использовала свою кровь, чтобы создать самую сильную из возможных привязок, чтобы твой компаньон мог зачерпнуть твою магию и исцелить себя?

– Если потребуют показать, как я впитываю магию Вилли, то...

Тут Гамильтон осекся и продолжил уже совсем другим тоном:

– То это даже пойдет на пользу нашему вранью. Всем известно, что от передозировки чуждой энергии компаньоны могут умереть. А я, будучи на грани жизни и смерти, взял столько сил у Вилли, что теперь мой организм не способен принять и грана людской магии.

Я прикусила губу и медленно кивнула. Вранье может сработать. Гамильтон стремительно линяет, как только пытается ухватить крошку моего ядовитого дара. Иногда мне кажется, что с помощью моей силы можно плавить металл. Или, что скорее, растворять его напрочь!

– Мне только одно непонятно, – тихо сказал Марон, – почему ты умерла?

Гамильтон вздрогнул и засуетился, притворяясь, что блоха кусает его за самое мягкое и объемное место. А после... Я не ответила, а Марон не повторил вопрос.

Потом мы еще целый час повторяли эту историю. Да так, чтобы у Тины получалось:

– Ой, да там ерунда вышла. Мина рухнула с крепостной стены, а Гамильтон в очередной раз воевал. Вот и встретились два одиночества.

Марон же предпочел более нудную фразу:

– Вы же знаете о том, как пегасы оказались в нашем мире? Никто их не призывал, они прошли сквозь разрыв. Что интересно, разрыв из чистого мира-сателлита может произойти где угодно, хотя бы даже и на дворцовой кухне! Вот и Гамильтон вышел у подножия крепостной стены замка Фоули-Штоттен. Он был ранен и думал, что это его личный портал на тот свет!

Гамильтон решил сослаться на то, что он не обязан общаться с людьми. А я предпочла коснуться духовно-кровной связи, которая раньше была весьма и весьма распространена. Мол, жизнь за жизнь, кровь за кровь. Гамильтон останется в этом мире ровно столько, сколько я проживу. И если меня убьют, то он сможет задержаться ровно на то время, что ему понадобится для кровавой и безжалостной мести.

– Пришло время выбрать новое платье. – Тина хлопнула в ладоши. – Насколько я помню, с сегодняшнего дня мы начинаем активно ждать прибытия Правителя и начала отборной гонки!

– Знаете, – опасливо произнес Марон, – я все же предлагаю ждать Правителя не слишком активно. А то мало ли что... Безвластие не идет на пользу ни стране, ни народу. Так что вы тут спокойно и неспешно готовьтесь, а я пойду посмотрю, послушаю.

Друг легко одернул одежду, и та покорно сменила цвета. Теперь его будет трудно отличить от прислуги, но при этом никто не сможет сказать, что он украл их форму. Вам просто показалось, понимаете?

Когда-то давно мы так поступали на практике. Нас расквартировали в доме мелкого дворянчика, и ему очень уж хотелось чего-нибудь эдакого с магически одаренной девицей. Так он нас за весь месяц от прислуги отличить и не смог. Хотя там не только наша заслуга, но есть и красного крепленого вклад.

– Зеленое с золотом или сиреневое с серебром? – задалась вопросом Тина.

– Зеленое, оно легче.

– Ага, значит, сиреневое, – кивнула сама себе подруга и тут же в ответ на мое легкое, но вредное проклятье пояснила: – Легкое платье оставь для испытаний. Никто, знаешь ли, не скажет заранее, что и как с вами будут делать.

– Тут ты права, – кивнула я. – Одно дело – проиграть на своих условиях, а другое – опозориться из-за неудобного платья.

Сегодня я заплела волосы в пару десятков тонких косичек, из которых собрала одну вычурную косу. Спасибо Делии, практически с каждым платьем в комплекте шли ленты для волос.

– Ничего не видно, ничего не слышно: коридор опутан заклетьями тишины разной степени мастерства, – это Марон прислал голосового посланника. – Исследую дворец дальше. Ох, этого я видеть не хотел.

Нам с Тиной немедленно захотелось узнать, что же там такое, но, увы, моя подруга не умела посылать голос.

А мой дар только-только начал просыпаться. Если заняться очеловечиванием магии, то мой дар ворочался, посылал всех к бесам и просил «ну еще пять минуточек».

– Что-то происходит, – встрепнулся вдруг Гамильтон. – Кто-то стучит во все двери. Тина, забывшая про него, вздрогнула, а я только сощурилась. Послание невестам?

«Главное, чтобы не прямой посыл. Будет забавно, если мы будем первыми невестами, от которых отказался Правитель», – пронеслось у меня в голове.

Я ведь только недавно вспомнила, что обычно отбор невест затевает сам Правитель, а в нашем случае это была идея Совета Крылатых. Так себе воплощенная, кстати. Никакой интриги, одна Лилиана Морей и массовка.

Оправив платье, я выбралась из спальни в гостиную, где и увидела, как распахивается дверь и в нее буквально впихивают бледную и дрожащую девицу. Стук пошел дальше.

– Вас там много, что ли? – недоуменно спросила я.

– Д-да, – пролепетала девчонка. – Я воспитанница монастыря Божьих Сестер и прибыла поговорить с вами о наших Богах.

Я чуть не села, а Гамильтон фыркнул:

– Я помню других сестер. Они несли в руках корзины с бинтами и зельями, переступали через трупы, чтобы добраться до раненых. И да, до богов им дела не было.

– Да, – я не сдержала гордой улыбки, – наш монастырь всем монастырям монастырь. А от слов... В чем прок твоих слов, сестра?

– Я не знаю.

– Никто не знает. – Я открыла ей дверь. – Спасибо, что нашли для меня время.

Захлопнув дверь, я стоически проигнорировала сердитый взгляд Тины. Но подруга решила не довольствоваться малым и попыталась меня вразумить:

– Она же подневольный человек!

– Во-первых, оборотень, – поправила ее я, – а во-вторых, я тут тоже не свободная пташка.

Но еще мне просто было противно. Мать представила богам своего супруга до того, как вышел траур по отцу. И помогала ей в этом продажная столичная сестра. С тех пор двери нашего храма закрылись перед леди Фоули-Штоттен. Почему у нее осталась прежняя фамилия? О, потому что она вовремя передумала и не довела церемонию до конца. А то пришлось бы из обжитого замка съезжать в старый дом.

– В любом случае мое поведение можно списать на мое же задание, – я поправила косу, – быть хуже всех.

Подмигнув Тине, я вышла из гостиной и решительно направилась в сторону широкой мраморной террасы.

– Ты не туда свернула, – со мной рядом трусил Гамильтон.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я.

– Когда твоя магия засыпает, я чувствую тебя так, как и положено чувствовать настоящему компаньону, – напомнил пес.

А я только вздохнула, понимая, что ему со мной нелегко.

Гамильтон вывел меня к террасе, где...

– Вы?! Что вы здесь делаете?

Это мы выдохнули в унисон, после чего он замолчал, но мне еще было что сказать:

– Как вам удалось так быстро вернуться из Иль-доратана?!

– Да уж не вашими стараниями, – усмехнулся мужчина. – Мне больше интересно, чем вы здесь занимаетесь.

– Уж прошу простить, – сощурилась я, – но вас это никоим образом не касается.

– Очень даже касается, – он уже не усмехался, а откровенно смеялся, – должен же я как-то подстраховаться!

– От чего?

– Вы, юная леди, совсем политикой не интересуетесь, да? Точнее, не интересуетесь внешностью политиков?

Я независимо пожала плечами:

– У нас дома целая портретная галерея, посвященная семье Правителя. Там есть портрет прежнего главы государства и нынешнего. Рисовал наш лучший художник.

«Лучший, потому что единственный», – добавила я про себя и поспешила продолжить:

– Правда, миниатюры были подпорчены, но к ним прилагалось словесное описание.

Мужчина заливисто расхохотался:

– Словесное?!

Гамильтон вел себя подозрительно тихо, но... Я никак не могла отвлечься от разговора с этим знакомым незнакомцем.

– Я не клоун, – сощурилась я и зажгла на пальцах искристые огоньки, – могу проклясть, да с условием – закаетесь выполнять!

– С условием – это серьезно, – он усмехнулся. – Позвольте представиться: Кристоф Ландеберт Рентийский, Правитель Азайи. Или, как вы любезно отметили, полуправитель.

Ой.

– А вы, я так понимаю, злопамятный, – нервно улыбнулась я и убрала руки за спину.

– Нет, но должность не позволяет забывать неосторожные слова. – Он прищурился. – Как туфельки, удобные были?

– Очень и до сих пор не стали тряпочками. – Я решила, что мне необходимо сказать ему что-то хорошее, чтобы перебить все плохое. – Вы, на удивление, очень сильны.

– Мина, – тяжело вздохнул Гамильтон.

Да что б меня!

– Я имела в виду, что наука преобразований – это очень сложный раздел магии, – попыталась вывернуться я. – И это огромное достижение, когда человек может извратить законы природы так надолго, как это сделали вы.

Правитель посмотрел на Гамильтона с искренним сочувствием, а после спокойно сказал:

– Да, я неплохо образован. На удивление, мне удалось покорить этот весьма сложный раздел магии.

Кажется, я умудрилась предположить, что он глуп. Нет, не может быть, я такого не говорила. Ведь не говорила же?!

Глубокий вдох, медленный выдох. Сейчас я все объясню...

Нет, иногда глубокий реверанс и почтительное: «Могу ли я быть свободна?» – лучше тысячи слов.

– Можете, – он хмыкнул, – все равно мы увидимся уже через десять минут. Кстати, почему вы так быстро закончили?

– Боюсь, что я... Что...

– Леди Фоули-Штоттен, как вы посмели... Ваше Крылатое Величество. – Драконья жрица, вылетевшая на террасу, тут же потеряла весь пыл и присела в глубоком реверансе.

– Леди Илзерран, – тепло улыбнулся Правитель, – моя просьба стать частью отбора причиняет вам вред?

– И боль, – жрица медленно выпрямилась, – и зубы крошатся от тщательно сдерживаемой ярости. Но звонкое золото, которым вы щедро платите, превращает невыносимое во вполне себе сносное. Леди Фоули-Штоттен, зайдите ко мне после церемонии представления Правителю.

– Да, миледи, – кротко произнесла я и сдержанно улыбнулась.

На что жрица восхищенно присвистнула:

– А вы не можете быть такой весь отбор? Идите, идите.

И мы с Гамильтоном чинно, но очень, очень быстро покинули террасу.

– Надо повторить легенду, – выдохнула я, – у меня от шока все из головы вылетело. Но как же он не похож на свой портрет! Там такой красавчик...

– А тут? – с интересом спросил Гамильтон и нервно покосился в сторону узорчатых дверей, ведущих на террасу.

– Привлекательный, но обыденный мужчина. – Я пожала плечами.

Хотя стоит признать, что темные густые волосы, волевое лицо и глубокий взгляд зеленых глаз не могут не привлечь.

«Ты чудовище, а не крылатая невеста», – напомнила я себе.

И начала повторять про себя придуманную легенду. Ведь, помимо всего прочего, никто не должен догадаться, что я была на грани жизни и смерти.

– К тебе вернулась сила или ты опять взяла из браслета? – засопел вдруг Гамильтон.

– Я бы не называла черный шнурок с тремя кристаллами браслетом, – уклончиво отозвалась я. – Тем более что он у меня на ноге.

Пес душераздирающе вздохнул и ускорил шаг, позволив мне любоваться на свой толстый зад.

Я тоже себя корила за пустую растрату драгоценных капель нейтральной силы, но... Даже вернувшись назад во времени, я бы, скорее всего, поступила так же.

Ведь, как выяснилось, мне уже дважды довелось встретиться с нашим Правителем! Один раз я обозвала его нехорошим прозвищем, которое бродит в народе. А второй и вовсе выкинула в Иль-доратан! А еще он сотворил для меня туфли, которые до сих пор не стали тряпочками. И он... Он волновал меня.

Нет-нет, не как мужчина. Я еще помню то дурацкое истерично-безумное чувство, что заставляло меня едва ли не преследовать того пятикурсника. Стараясь обратить на себя его внимание, я, возможно, немного перегнула палку. Но в любом случае, кто бы что ни говорил, а моей вины в его заикании нет!

В комнате я коротко обрисовала друзьям сложившуюся ситуацию, и... Они не удивились?!

– Ты прости, конечно, – Тина улыбнулась и развела руками, – но чего ты хотела?

Марон согласно кивнул и добавил:

– У тебя вообще история знакомства с семьей Рентийских так себе.

– Во-первых, с экс-Правителем я не знакома, – запротестовала я.

– Но познакомись, – Тина хихикнула, – будь на всякий случай вежлива со стариками.

А то мало ли!

– Но-но, я уважаю чужие седины. – Я погрозила подруге пальцем.

И вздрогнула от требовательного стука в дверь.

– Леди Фоули-Штогтен, на выход!

– С вещами? – с интересом спросила я, но никто не ответил.

– Если что, ври, что деньги уже потрачены, – прошипела мне в спину Тина.

– Да-да, – поддакнул Марон, – тряси платьями и говори, что еще должна осталась!

Поперхнувшись смешком, я выскочила за дверь. Бояться встречи с Правителем глупо: сразу ничего не случилось, значит, уже и не случится.

И все бы ничего, если б леди Илзерран не поставила меня рядышком с той тщедушной сестричкой.

– Посмотрите направо. С сего дня и до самого конца вашего пребывания на отборе, – с невыносимым пафосом произнесла драконья жрица, – именно эти глаза с сочувствием и добросердечием будут следить за вами через особые кристаллы. Именно эти достойнейшие сестры будут внимательно наблюдать за тем, чтобы вы не нарушали правил.

Затем жрица замолчала, кашлянула и уже не так пафосно оповестила нас, что единственные места, где мы остаемся наедине с собой, – ванный комплекс и гардеробная.

– Может, не стоило хлопать дверью перед моим носом? – едко спросила милая с виду сестра.

На что я только фыркнула и одними губами ответила:

– Ты будешь сильно удивлена, сестричка.

Затем нас заставили склонить головы для благословения. И доставшаяся мне «сочувственная и добросердечная» Божья Сестра так старательно выполняла свою миссию, что выдернула у меня пару волосинок.

Интересно, если попросить Гамильтона сожрать ее туфли, он попросит сырный соус или откажется?

Скосив взгляд, я посмотрела на модные ботиночки сестрички: стопроцентная кожа! Может, и согласится.

Нас построили парами, и, к вящему неудовольствию бесценной сестры, меня, а соответственно, и ее поставили в самый конец. Как же сияла леди Морей!

И я вдруг подумала, что надо бы присмотреться к остальным девушкам. В конце концов, Правитель у нас хоть и полу, но не его в том вина! Надо подобрать ему жену получше, ибо я не хочу жить в стране, которую штормит под гнетом Морей.

«С другой стороны, Правитель и сам способен догадаться, что от лорда-предателя ждать можно только очередного качественного предательства?»

Лорд Морей и правда был хорош в этом. Ведь даже голод Окраины сошел ему с рук. Тут же нашлись и обстоятельства непреодолимой силы (запрещенные артефакты с острова Цветов), и важные причины (золото, ведь продовольствие на Окраину поставляется по сниженной цене), и еще куча свидетелей, что голода не было!

Последним, правда, неизвестные энтузиасты отрезали языки, и лорд Морей выступил с отрепетированной речью, где всячески поносил этих самых свидетелей. Скользкий мерзавец.

– Нанесите на лицо оттенок разумности, – прошипела Божья Сестра, – вы стоите перед Правителем!

А я, погрузившись в свои мысли, даже не заметила, что наша цепочка дурочек уже куда-то дошла.

Подняв глаза, я ахнула, обнаружив Правителя подозрительно близко.

– Надеюсь, леди Фоули-Штоттен не обижает вас, сестра Мирта?

– Юной леди необходимо больше смирения, – с подобострастием ответила сестра, – она прекрасный цветок, требующий должного ухода.

«Да уж, цветочек еще тот», – читалось во взгляде лорда Рентийского.

И вдруг тихий шорох, треск призываемого проклятья, и я вижу, как мой щит срабатывает! А через секунду одна из одинаковых невест остается без юбки. Ее, правда, тут же затерли в гущу девиц, а после кто-то снял с ближайшего слуги ливрею... В общем, особого переполоха не вышло.

– Личная разработка, – невинно улыбнулась я и стрельнула взглядом в сторону злобно молчащих невест, – щит «Возьми себе». Делаю амулеты, беру золотом.

– Леди Фоули-Штоттен! – раненой птицей взвыла сестра Мирта.

– Столичным Божьим Сестрам наценка в пятнадцать процентов, – тут же добавила я.

Правитель подавил смешок, а после на полном серьезе посоветовал мне почитать свод законов, касающийся нелегальных артефактов.

– Я просто вкладываю в вещи частичку себя, – с немалой долей пафоса выдохнула я.

Лорд Рентийский кивнул и перешел к следующей невесте. И только от сестры Мирты я узнала, что он решил начать с конца нашей цепочки и мы были первые, к кому он подошел!

Зато удалось посмотреть, как это все должно было быть: Правитель встает перед крылатой невестой, улыбается. Та краснеет, бледнеет, оседает в реверансе, а после представляется. Правитель говорит, что очень польщен тем, что такая достойная леди согласилась принять участие в отборе невест. И так двадцать пять раз. Но меня после всех этих раз мучил один вопрос. А как же я?! Почему он моим присутствием не польщен?!

«С другой стороны, все были вынуждены представиться, а меня он по имени позвал», – подумала я и чуть приосанилась.

После знакомства Правитель пригласил нас в сад, где были накрыты столы со сладостями. Ох, не жалеет он нас, не жалеет. Призвать пчелу и подсунуть ее к лицу конкурентки – не «надоевшая обыденность», а «золотая классика»!

Уже в саду выяснилось, что Правитель у нас совсем не дурак. Или у него есть толковый советник, что тоже может быть. Но в любом случае над столами парили маго-идентификаторы. Каждая неосторожная искра магии будет отслежена, а виновница отмечена блёстками. Или не блёстками – тут уже все зависит от фантазии мага.

– От вашего поведения зависит то, с какого этапа вы уйдете и какие украшения принесете в семью, – змеёй прошипела сестра Мирта.

– Я сирота, – с должным количеством скорби ответила я.

– Не может быть, – сощурилась сестра, – у вас есть мать и отчим.

– О, мы не родственники, – отмахнулась я и нацелилась на тарталетку с лососевым паштетом.

Но едва лишь я протянула руку, как из ближайших кустов раздался полный боли и страданий вздох. Надрывный, с протяжным «Ы-ы-ых», он был мне до ужаса знаком.

Ну конечно, видимо, у лососевого паштета отменное качество. Иначе Гамильтон не позволил бы себя обнаружить. Но... Что делать-то? Левитировать ему пару тарталеток? Так меня обсыплет блёстками, и ведь не докажу, что просто собаку подкарм...

Стоп. Я же чудовище, верно?

Задорно улыбнувшись побледневшей Мирте, я взяла весь поднос и уверенно пошла к кустам. Кусты тряслись от предвкушения так, что с них начали облетать молоденькие клейкие листочки.

Через минуту я уже поставила опустевший отполированный и блестящий поднос на место. И, как на заказ, мимо прошествовал донельзя гордый слуга с пирамидкой бокалов.

– Это белое руарданское? – спросила я.

– Нет, миледи, – с искренним сожалением произнес молодой мужчина, – это фруктовое вино с острова Цветов.

– Нет, я такое не пью, – четко раздалось из кустов.

А после пошел такой треск, будто сквозь розы продирается лошадь.

– Мой компаньон увеличил свой размер, чтобы в полной мере насладиться тарталетками, – пояснила я удивленному слуге.

– Ты похоронила свою репутацию. – Мирта пыталась красиво слечь в обморок, но у слуги был поднос, у меня принципы, а остальные делали вид, что нас нет.

– По моему, со мной все было понятно еще на последнем Весеннем Балу, – фыркнула я.

– Так это была ты?! – с ужасом произнесла Мирта. – Но мне обещали, что я буду наставлять одну из...

– Ага, тебе сказали выбрать ту, что от всех отличается, – я тут же воспользовалась ее оговоркой, – но нас таких две.

– Тогда ты...

Бледная до синевы сестра Мирта не смогла выговорить «чудовище», а я не стала ей помогать. В конце концов, должна и я чего-нибудь вкусного попробовать. Вот, например, песочное тесто с полоской соленой карамели. Ум-м-м, невероятно!

– Мое почтение поварам, – проворчала я.

– Обязательно передам, – весело произнес Правитель, стоявший за моей спиной.

– Вы решили избавляться от невест радикально? – просипела я, пытаясь не закашляться.

Проклятая песочная вкуснятина застряла у меня в горле и ни туда ни сюда.

Схватив у пробежавшего мимо слуги бокал с чем-то красным, я быстро его осушила и выдохнула – не скончалась.

– Одобряете лицарийское выдержанное?

– Нет, – я пожалала плечами, – просто крошки в горле застряли.

Ой.

Кажется, вино действительно выдержанное.

– Я слышал, что у семьи Фоули-Штоттен есть интересная особенность: вы не пьянеете, но даже от одного бокала теряете способность лгать. – Он сощурился. – Это так?

– Мы теряем понимание того, ради чего нужна ложь, – честно ответила я.

– Что вы думаете об отборе? – с интересом спросил Правитель.

– Вам действительно это интересно? Отбор – пустая трата времени. Ваша будущая супруга стоит во главе стола и очень обижается на то, что вы тратите свое время не на нее. – Я кивнула на Морей, которую слегка перекосило. – Хотя я, конечно, не хочу жить в стране, которой правят Мореи.

– С чего бы Мореям править моей страной? – насмешливо сощурился лорд Рентийский.

А я, отойдя на шаг и окинув его долгим оценивающим взглядом, хотела было сказать, что он и до женитьбы не очень-то справляется с Советом Крылатых, вот только мне прямо на губы села крупная бабочка!

И как бы я ни отплеывалась, желая поделиться с миром своим ценным мнением, гадкое насекомое не отставало. Вот не пойму, в каких кустах прячется Тина?!

– Справа, – усмехнулся Правитель, – у вас прекрасные и верные друзья. Мое почтение.

Он чуть поклонился и ушел. Ушел к Лилиане Морей, а я, согнав-таки с губ бабочку, подхватила поднос с эклерами и ушла в кусты. Не думаю, что украшу этот вечер, если продолжу говорить присутствующим все, что я о них думаю. У оборотней так-то и спонтанные превращения случаются!

Глава 5

Утро следующего дня началось с подарка. Я, пораженная, заподозрила было, что мы все (или не все) прошли вчера первый этап отбора. Никто никого не проклял, пчелу не подослал – молодцы леди, выдержка, наблюдательность и какое-никакое количество здравого смысла есть.

Вот только для ювелирного украшения коробка была великовата.

– Может, это мельничный жернов? – предположила Тина. – Вроде как вы выбыли, пора в пруд.

– Вниз головой, – дополнил Марон.

– Жернов больше, – отмахнулась я и потянула за кончик рыже-коричневого банта.

Гамильтон, лежавший на кресле, встрепенулся и в один прыжок оказался рядом. Ведь внутри, на серебряном подносе, покоилась внушительнейшая горка тарталеток с лососевым паштетом!

– Это явно мне, – облизнулся пес, – лосось высшей пробы!

Нос у пса ходил ходуном, а потому я просто левитировала ему коробку и отошла в сторону. Нет, мой компаньон добр где-то в глубине души. И даже щедр, если это касается золотых монет: он, как и все жители его мира, не очень хорошо понимает ценность драгоценного металла. Но еда... Я бы никогда не заставила его выбирать – я или тарталетки с паштетом! Это при том, что однажды он рискнул ради меня жизнью.

– А если отравлено? – предположила я, глядя, как компаньон уничтожает то, чего ему могло бы хватить на пару дней.

– Переварю. – Он облизнулся и, вспомнив о манерах, с болью в голосе спросил: – Хочешь?

А после, отрывая от сердца, левитировал мне в руки тарталетку. Маленькую, чуть перепеченную. Такую, как будто ее готовил ученик повара, а не он сам.

– Это вам на всех. Вы люди, вам много еды не требуется. – И Гамильтон, нервно дернув шкурой, поспешно отвернулся, возвращая свое внимание оставшимся вкусняшкам.

Мы с ребятами переглянулись и принялись делить эту несчастную тарталетку. И нет, на самом деле мы не хотели, но... Для Гамильтона этот поступок подвиг, а подвиги надо поощрять.

Поэтому тарталетка была поделена на четыре части – чтобы ему тоже досталась крошечка.

– Изысканно, – отметила Тина.

– Отменный вкус, – одобрил Марон.

– Рыба, – уверенно произнесла я и добавила: – Удивительно приемлемо для рыбы.

– Точно, ты же не любишь рыбу, – горестно вздохнул пес и понюхал коробку: вдруг там что-то еще есть?

Но в коробке была лишь небольшая записка.

Летящим почерком Правитель желал нам всяческих благ и надеялся, что этот набор украсит нашу неделю. На коробке, оказывается, были кулинарные чары.

– Наивный человек, – хмыкнула я. – Где он видел собаку, способную растягивать вкусняхи на неделю?

– Не сравнивай, ик, меня с местными вырожденцами, – недовольно проворчал Гамильтон и ушел в спальню.

По мере передвижения он увеличивался и увеличивался в размерах, так что жалобный скрип кровати слышали все.

– Надо как-то заказать свежее белье, – вздохнула я.

– И чего это мы такие брезгливые? – поразилась Тина. – Как на практике лягушек на костре жарить и сокурсников угощать – так ты первая была.

– Так я же угощала, – фыркнула я, вспоминая то маленькое приключеньице. – Да нет, просто шерстинки колкие и прямо в кожу впиваются. Он ведь и правда воин, и шерсть соответствующая.

Друзья только переглянулись. На слово они мне не верили, а Гамильтон был слишком ленив, чтобы что-то кому-то доказывать. Но я-то точно знаю, что мой компаньон – превосходный боец. В своем, правда, неповторимом стиле. Тут уж приходится смириться и брать что есть.

К слову о лени – не прошло и двух минут, как из спальни донесся раскатистый храп.

– Вот просто представьте, – хихикнула Тина, – что вместо артефактов-подглядок, комната была бы оснащена ушками-подслушками.

Храп на мгновение стих, мы переглянулись и захохотали в голос, когда мой компаньон после краткой тишины выдал особо пронзительную ругаду!

– Меня не оставляет ощущение некоей подвешенности. – Я выразительно потерла шею. – Правитель здесь, а мы сидим, в носу ковыряем. Дальше-то что?

– Ну, не все здесь в носу ковыряют, – Марон взмахнул тонкой пилкой для ногтей, – кто-то другое место гигиенит.

Быть ему битым подушками, но дверь распахнулась без единого стука, и в проеме появилась сестра Мирта.

– Вас, кажется, подглядывать поставили, – недоуменно произнесла я и бросила маленькую, но увесистую думочку на ковер.

– Не очень-то вас и жалуют, – будто не слыша моих слов, произнесла Божья Сестра. – Гостиная, спальня...

– Хр-р-хр уау, – протяжно отозвался сладко спящий Гамильтон.

– И две комнаты для сопровождающих, – продолжила запнувшаяся на мгновение сестра. – Как вы живете в таких условиях?

– Прекрасно живу, – я пожала плечами, – или вы ждете, что дочь барона и дочь герцога поселят в одинаковые комнаты?

– Но ведь на Отборе все равны? – Она прищурилась, я разозлилась:

– Это очень, очень дешевая провокация. Дверь – там.

– Вы не хотите доказать всем, что можете быть чем-то большим, чем просто...

Она развела руками, показывая, что ее словарный запас нищ и невыразителен.

– Странные, немного жестокие люди, – это я говорила о миледи проректоре и ректоре, – резонно заметили, что мне не нужно позориться. Достаточно быть собой.

– То есть вы по жизни посмеш...

Она икнула, глядя на острие клинка, что сейчас холодило кончик ее носа.

– Хотите, я срежу вам нос и вы сможете убрать его в кошель. Убрать и никогда не доставать, чтобы не возникало искушения сунуть его куда не следует, – процедила я.

– Значит, сотрудничать вы не хотите. – Она подозрительно быстро взяла себя в руки и, отступив на шаг, криво улыбнулась. – Хорошо.

Круто развернувшись, она направилась было к выходу, и я, честно говоря, предвкушала зрелище: Тине лучше всех удавалось сдвигать реальную дверь и рисовать на ее месте иллюзию...

– Посмешище, – процедила сестра Мирта и взмахом руки вернула все как было.

– Зачем тебе все это? – крикнула я ей в спину.

Но в ответ получила только скупой непристойный жест. Что было очень некрасиво со стороны той, кого величают Божьей Сестрой! Впрочем, некоторые представители нашего пан-

теона еще и не то своей пастве показывают... Но нас, просвещенных и приличных, это не касается. За экзотикой – на остров Цветов.

– Знаешь, мне кажется, мы ее еще вспомним, – задумчиво произнес Марон и спрятал пилку куда-то в рукав.

– Я в любом случае не могу дать ей то, что она хочет.

– Ты леди, – пожалала плечами Тина, – могла бы присоединиться к этой гонке.

– Я леди, – согласилась я и безжалостно уточнила: – Окраинная. Могу сварить походный кулеш и выбрать червей из проклятой раны. Могу обустроить лагерь и стреножить лошадей. Или выхватить отцовский клинок и повести отряд в бой. Но... Вот это вот все – не мое. У всех свое место, знаешь ли.

– Тебе предложили развлечься, а ты мысленно отбор выиграла, – проворчала Тина.

– Потому что нет смысла вступать в борьбу, одновременно настраивая себя на проигрыш, – наставительно произнесла я.

– За нами скоро придут, – встрепенулся вдруг Марон.

А мы с Тиной недоуменно на него посмотрели и потребовали подробностей. Поскольку уж в чем-чем, а в предсказаниях наш друг не силен от слова совсем. Даже я лучше на чайниках гадаю!

– Прислушайтесь, – фыркнул друг.

В коридоре действительно что-то происходило. И, судя по накалу страстей, либо обыск на предмет непристойных картинок (было такое у нас в Академии), либо ценные указания раздают!

И раз никто не кричит и не плачет, расставаясь с самым дорогим, значит, все-таки второе. Мы, все трое, увеличили софу и сели рядком, не сводя глаз с двери.

– Как думаете, хоть кто-нибудь в этом дворце умеет стучать в дверь? – с интересом спросила я.

– Мы это узнаем, – улыбнулась Тина, – через три, два...

Дверь распахнулась, и в комнату вошла драконья жрица.

– Один, – досчитала подруга. – Никто не умеет, что весьма печально.

– Хр-р-р-р-р! Уар-ра, – согласился с ней Гамильтон.

– Вы привели мужчину? – оторопела леди Илзерран и поспешно прикрыла дверь, чтобы никто больше не услышал моего компаньона.

– Я здесь с самого начала, – обиделся Марон.

– Она про Гамильтона, – пояснила ему Тина.

– Такая маленькая собака издает столько шума? – поразилась жрица.

Уточнять, что мой пес не потерял связь со своим миром и может куда больше, чем иные компаньоны, я не стала. Лишняя информация, абсолютно лишняя.

– Завтра на рассвете вас ждет Испытание Невинности.

Леди Илзерран честно пыталась быть пафосной, но повторенная в дватый раз фраза явно набила ей оскомину.

– А если простыми словами? – спросила я.

– Выйдете наружу босая и в белом платье, без украшений и с распущенными волосами. – Драконья жрица чуть улыбнулась. – Там в присутствии Правителя и его семьи вы будете проверены на соответствие высокому званию...

– Всей семьей проверять будут? – заржал Марон и тут же зажал себе рот руками, чтобы через секунду спросить, не родственница ли леди Илзерран нашей миледи проректору.

– Она моя племянница, – любезно пояснила драконья жрица. – Проверять будет жрец, магией.

– А нас будут делить на кучки? – с интересом спросила я. – Как, знаете, крупу. Поедена жучками и не...

Ох, а у этой леди проклятья куда искристей!

– Результат объявят приватно, – процедила леди и покачала головой. – Вы невыносимы, леди Фоули-Штоттен, вся в своего безумного отца!

С этими словами она резко повернулась и вышла, захлопнув за собой дверь.

– Она знала твоего отца? – ахнула Тина.

А я только плечами пожала:

– Много кто знал барона Фоули-Штоттен. Отец приезжал в столицу редко, гораздо чаще он прямо писал, что у него есть более важные дела, нежели бесполезное и бессмысленное обсуждение бесполезных и бессмысленных вещей. Он не был в опале, но и обласкан вниманием тоже не был.

– Воин, – из комнаты выполз Гамильтон, – его знали и в нашем мире.

– У него был компаньон пес? – удивился Марон. – Обычно у детей и родителей разные компаньоны.

Мы с Гамильтоном одинаково фыркнули:

– Это если дети и родители враждуют или соревнуются друг с другом. Я росла и видела леди Ауэтари. Она во многом была мне большей матерью, нежели жена барона Фоули-Штоттен.

– А ты не можешь ее навестить? – тихо спросила Тина.

А я... Я могла только промычать, что, мол, вот собираюсь, да все никак, и вообще...

И только в этот момент до Тины дошло, что за нами наблюдают.

– Прости, – она состроила виноватое лицо, – я, как бы так сказать, не хотела давить на больное.

– Ничего, – покивала я, показывая, что все понимаю.

Но вообще, стоит озаботиться каким-то укромным уголком, где мы сможем поговорить. Право слово, ну не в туалет же набиваться!

Хотя... Он довольно просторный.

– А душевая тоже ведь не покрыта следящими чарами? – У Марона мысли шли в том же направлении, что и у меня.

– Проверю, – зевнул Гамильтон и честно добавил: – Если влзу.

И мы, помня о его чувствительной натуре, тут же уверили пса, что даже если он не влезет, это будет не его вина.

– А все потому, что кто-то слишком много ест, – одними губами сказала я.

Он, увеличившийся в размерах, так и не смог вернуться к удобному облику. И сейчас по покоям скакал пёсель размером с пони, что было не очень удобно.

– Там подслушивают, – шумно вздохнул вернувшийся Гамильтон и звучно плюхнулся на ковер, – почести пузико, что-то мне не по себе.

Тему собачьего туалета мы, как правило, обходили. Но сейчас я все же решилась тонко намекнуть:

– Быть может, паштет хочет наружу?

– Рано, – буркнул смутившийся пес.

Но уже через пару минут его живот издал многозначительное «уру-ру», и Гамильтон с воплем: «Пора!» – сиганул в закрытое окно.

– А ведь миледи проректор, как всегда, права. – Я подошла к окну и полюбовалась на ошеломленные лица прогуливавшихся по парку невест. – Мне просто нужно быть собой.

– Чтобы быть хуже всех? – поддела меня Тина.

– Нет, – я легко улыбнулась, – чтобы получить стартовый капитал и открыть свою артефакторную лавочку.

– Ты же хотела купить домик на Украине?

– И сейчас хочу. Леди Фоули-Штоттен я из замка выгнать не смогу, но и с ней жить пока не хочу. Значит, проживу где-нибудь и как-нибудь. И лавочку там же открою – буду чаровать возвращательные порталы для наших бойцов.

Помахав рукой невестам, я присела на корточки и стала собирать осколки.

– Твой, да-а. – Марон поспешно сделал вид, что зевает.

И ему на помощь пришла Тина:

– Ты так мастерски левитировала коробку с тарталетками, мне понравилось.

После этого она сделала многозначительную паузу. А я так же многозначительно постукала пальцем по запястью, намекая на браслет, из которого черпаю запасенную магию, когда моя засыпает.

Хотя сейчас мой дар уже активен, я не тороплюсь колдовать на полную. Хотя, конечно, вчера...

– Мать моя собака, – выдохнула я, вспоминая леди Ауэтари, которая никогда ничего не забывала.

– Ты чего? – Марон присел рядом и тоже начал собирать редкие осколки. – Основная масса стекла ушла в траву, будем там собирать?

– Нет. – Я покачала головой и встала, выронив уже собранное стекло. – Мне, может, ничего уже не понадобится.

– Ты чего? – Тина нахмурилась. – Все хорошо же. Или ты внезапно вспомнила, что когда-то сделала что-то, что не даст тебе пройти Испытание невинности?

Я, признаться, не сразу поняла, что именно она завуалировала, а после только фыркнула:

– Хуже. Я вспомнила, что леди Илзерран приказала мне навестить ее.

– Да? – удивилась Тина. – Не заметила.

– Не сегодня, – я криво улыбнулась, – вчера.

– Ой, – Марон потер шею, – я опоздал на лекцию к миледи проректору, и у меня неделю чирьи с задницы не проходили. А они ведь родственницы.

Я мрачно посмотрела на него и, нахмурившись, произнесла похоронным тоном:

– Знаешь, ты не успокоил меня.

– Она вряд ли сильно проклянет крылатую невесту, – поспешила вставить Тина. – Хотя тебя может, ты же не совсем для отбора.

– Спасибо, дорогие друзья, – саркастично произнесла я и хотела добавить еще несколько добрых слов, но тут в окно впрыгнул Гамильтон.

Пес был чем-то недоволен и ворчал под нос что-то про грубиянов в соломенных шляпах. И про то, что нет такого сорта роз, которые не требовали бы удобрений.

Поняв, что дело, возможно, слегка пахнет как собакой, так и проблемами, я предпочла не расслышать. В конце концов, если садовник все же придет ругаться, всегда можно послать его к организаторам отбора!

– Ты иди ищи леди Илзерран, а мы пока окно восстановим, – жизнерадостно улыбнулась Тина.

– Правильно, – поддакнул Марон, – встретить бурю грудью!

Показав друзьям язык, я подмигнула Гамильтону и спросила, не поможет ли он мне найти леди Илзерран.

– Я – нет, но мой племян – да, – зевнул пес и топнул передней левой лапой.

По ковру побежали полупрозрачные колдовские круги, и перед нами появился очаровательный длинноухий малыш! Он был весь такой мягкий, теплый, складочный, что я, не выдержав, рухнула на колени и принялась его наглаживать и начесывать.

Пока не услышала, что недовольно-ревнивое сопение Гамильтона переходит в тихий рык. Тут и малыш со спинки перевернулся на пузо, и я убрала руки.

– Найди драконью жрицу, – сумрачно произнес Гамильтон и тоже лег. – А пока он ищет, я хочу столько же почесушек, сколько получил он.

Помолчав, мой компаньон добавил:

– Нет, вдвое больше. Чесать шею и грудь, немного за ухом и вот тут, да-да, под челюстью.

Ревнивца чесали в шесть рук: Тина и Марон тоже присоединились. На самом деле Гамильтон редко позволял себя именно тискать. Он ведь воин, боец, ему не пристало «увлекаться щенячьими забавами».

Мальш, взглянув на нас грустными карими глазами, только вздохнул и превратился в туманную дымку, которая втянулась в щель под дверь.

– Милтону всего двадцать зим. – Уставший от почесушек Гамильтон съезжился до своего обычного размера и встал, брезгливо подергивая шкурой. – Но уже сейчас он один из лучших в поиске. Его нюх – это нечто невообразимое.

В голосе моего компаньона было столько тоски, что я не нашлась что ответить. А Гамильтон меж тем запрыгнул в кресло и вытащил свою трубку. По комнате поплыл сладковатый табачный запах.

Едва пес успел докурить свою трубку, как вернулся Милтон и тут же оглушительно чихнул.

– Я готов сопровождать леди Фоули-Штоттен. – Рыжик уже успел насмотреться на людскую моду, и сейчас он создал на себе презабавнейший голубой кафтанчик.

– Мне страшно, – честно сказала я и решительно шагнула к выходу, – а значит, будет интересно!

– Истинно так, – зевнул Гамильтон и свернулся клубком. – Я – спать.

Показав язык своему гладкошерстному поганцу, я подмигнула друзьям и, придав себе бодрый вид, решительно вышла из гостиной.

Милтон, забавно переваливаясь и подметая ушами пол, устремился вперед. Было видно, что наш мир ему непривычен, но он мужественно преодолевает невзгоды.

Я же, зацепившись взглядом за кружево на его кафтанчике, невольно вспомнила день, когда мы с Гамильтоном стали компаньонами. У него было несколько условий, и одно из них – не спрашивать о его прошлом.

В нашу первую встречу Гамильтон создал для себя чрезмерно старомодную одежду. Таковую, словно последний раз он был у нас около трех сотен лет назад.

Но он не догадался запретить спрашивать у его многочисленных племянников и племянниц. И теперь мне страшно хотелось схватить Милтона, затащить в ближайшую кладовку и спрашивать-спрашивать-спрашивать!

Вот только душевное равновесие и спокойствие Гамильтона в очередной раз победили. Хотя все равно страшно интересно, как в нем умещаются две диаметрально противоположные ипостаси. Увалень-сибарит и тот, кто способен за считанные секунды ускоряться в пятнадцать-двадцать раз!

Гамильтон подчеркивал, что он воевал, и то, что он не делился подробностями, для меня лишнее подтверждение его честности.

«Наверное, потеря нюха сильно ударила по нему», – промелькнуло у меня в голове.

Правда, эта мысль была вытеснена целым роем нецензурных ассоциаций: Милтон резко остановился, и я едва не наступила ему на ухо.

Он же, приняв пролетевшую мимо угрозу весьма философски, сел и, посмотрев мне в глаза, неожиданно выдал:

– Леди Арзинойская сожалеет, что ее лучший воин стал служить человеку. Дядя не послушает меня, но я бы хотел, чтобы вы его предупредили о ее недовольстве.

– Леди Арзинойская? – переспросила я.

– Старшая су... – пёсель осекся и неуверенно спросил: – Самка? Да, пожалуй, так. Она отправила дядю в запас после того пожарища.

– Пожарища? – кажется, судьба моя сегодня переспрашивать.

– Ой, – Милтон умудрился прикрыть пасть ушами, – дядя герой, но он запрещает об этом лаять! В общем, она думала, что он вернется, смирившись с некоторыми изменениями в... м-м-м, работе. А дядя ушел к людям. Потом вернулся и закрылся в своих владениях, не выходя даже на Большую Охоту. А потом он опять ушел, и теперь, если он вернется домой, его могут вызвать на бой. Ходят слухи, что леди Арзинойская обещала награду тому, кто срежет с дяди уши. Это очень большой позор для пса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.